

В. Л. Глазычев

Зарождение зодчества

Оглавление

Предисловие

Начало начал

Стены Иерихона

Черепки и камни

Охота на призраков

Майданицкое поле

Гардарика

Сыны Солнца

Стоунхендж

Палетта Нармера

От Имхотепа до Хемона

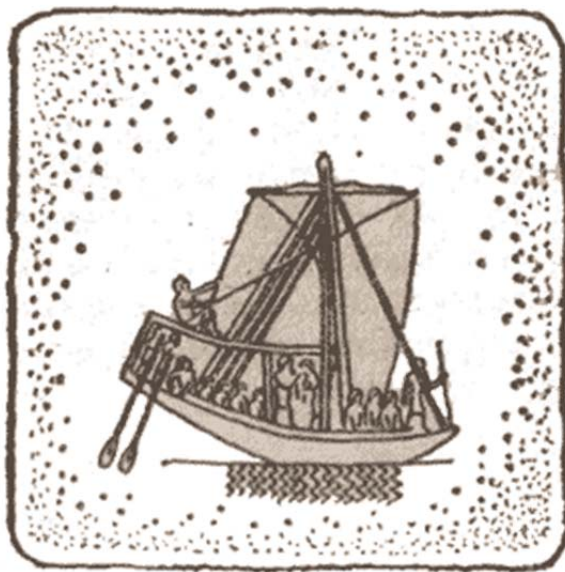
Дом Гильгамеша

Дополнение: Задача Евпалина

Примечания

Сноски

Предисловие

«Не знать истории — значит всю жизнь оставаться ребенком!».

Марк Туллий Цицерон произнес эти слова 2000 лет назад, и речь политического деятеля и великого оратора, в которой они прозвучали, — принадлежит истории. Но разве смысл этих слов состарился за двадцать веков? Нет, они живы и сегодня, они часть нашей жизни.

Архитектура — тоже часть нашей жизни. Наши города больше, улицы шире, дома выше, чем то, что создавалось в древности, и всё же они не утратили своей сущности и в чем-то наиболее важном остались тем, чем были — городами, улицами, домами... Перед нами не просто цепь бесконечных изменений, а процесс развития, ведь развиваться может только то, что в чем-то наиболее существенном остается самим собой. Архитектура — это искусство создавать среду обитания по законам пользы, прочности и красоты. По законам разума и чувства, а “Относительно

искусства известно, что определённые периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества” (К.Маркс)[*].

Вершинами в искусстве архитектуры являются Парфенон, Шартрский собор, ансамбль Версаля, Эйфелева башня, Мавзолей В.И. Ленина, Но точно также вершинами этого искусства остаются в нашей культуре и Кносский дворец, созданный на Крите за тысячу лет до Парфенона; и жилой дом в Кирокитии на Кипре, построенный за три тысячелетия до Кносского дворца. Вот почему для того, чтобы понять сегодняшнюю архитектуру, непременно нужно разобраться в том, что же было а начале, в самом начале?

Начало начал

Так или почти так выглядело строительство первого дома в Вадии-эн-Натиф — первого, насколько нам известно, постоянного дома на Земле, Вдали, в основании скал проглядываются входы в ещё обитаемые пещеры. Стройка, развертывающаяся на переднем плане, требует уже предварительного плана и четкой организации работ. Неглубокий котлован надо было не просто отрыть, а выбить в каменном основании, и юноша льет воду из бурдюка на раскаленный костром камень, чтобы каждый удар каменного молота производил максимальный эффект. В предварительно выбитые отверстия нужно было вставить тонкие жерди (на следующем

рисунке вы можете увидеть, как они потом соединялись наверху). Затем жерди переплетали тонкими и гибкими прутьями, а всю нижнюю часть стен обмазывали глиной с обеих сторон.

Рядом с первым домом вскоре встанут другие, и тогда сложится первое селение на открытом пространстве. Обороняться ещё не от кого, да и нет ещё богатств, которые могли бы вызвать зависть достаточно отдаленных соседей. Еще не приручены животные, и даже плетень от вороватых горных котов и шакалов не потребовался: остались бы следы ямок от его столбов.

Предмет, поставленный на землю в тени куста (наверное, в нем вода для питья), очень похож на глиняный сосуд, но это корзина, обмазанная глиной для водонепроницаемости: керамику ещё предстояло изобрести через пару тысячелетий. Обитатели этого дома ещё не земледельцы. Они охотники и собиратели, но они уже обратили внимание на злак с мелкими, но вкусными зёрнами, часто попадающийся по дороге.

Когда речь заходит о рождении чего-то конкретного, вроде паровой машины или двигателя внутреннего сгорания, все просто или почти просто — если и идут споры, то о гадая и именах, о первенстве. Куда сложнее ответить на вопрос: кто и когда первым выплавил бронзу, приучил коня ходить в упряжи, кто и когда построил первый дом?

Еще сложнее более отвлеченный вопрос, вроде того, когда родилась наука, когда — техника, когда — архитектура? Есть ли, впрочем, смысл в таких вопросах? Есть и к тому же двойной. Во-первых, это просто интересно каждому, кто отличается любознательностью. Во-вторых, это безмерно важно тем, кто работает в области науки, техники, архитектуры: пытаюсь понять, как складывалась система знаний и умений, ставшая профессией, человек наминает понимать смысл собственных действий. Ну, скажем, один раз заучив формулу вычисления объема цилиндра, мы пользуемся ею, не замечая, — автоматически. А вот во времена Цезаря знать или не знать эту формулу было для строителя нешуточным делом: не один тогдашний зодчий поплатился репутацией и даже имуществом только потому, что ему не удалось узнать тайну π . Ему приходилось пользоваться приблизительным расчетом Герона [1], и в результате подсчитанный объем камня для возведения башни оказывался заниженным на 5 %, в смету вкрадывалась ошибка, за которую приходилось расплачиваться. Или ещё, что может быть скучнее подобия треугольников? Но вот задача (ее полный объем и решение приведены в конце книги), которую 2600 лет назад решил архитектор Евпалин для тирана острова Самос Поликрата. Надо пробить сквозь гору туннель почти в километр длиной для водопровода, двигаясь с противоположных концов. Попробуйте ее решить, и вы немедленно убедитесь, какой увлекательной становится прикладная геометрия, когда от владения ею зависит утоление жажды немалого города.

Но ведь и строительство туннеля на Самосе, и расчеты Герона, хотя и отдаленные от нас XXV веками,

это наше с вами собственное "вчера". Между нами и ими почти столько же времени, сколько между ними и строителями египетских пирамид, а ведь пирамиды — это не начало, это уже вершина долгого развития. На времени сооружения пирамид наше знание истории в полном смысле слова кончается: ранее простирается безмерное “доисторическое время”. Первый настоящий дом, первый город возникают в его глубине — когда?

Мы найдем ответ на этот вопрос, но для этого придется несколько разобраться в том, что же такое “доисторическое” время. В очень строгом смысле доисторическим оказывается все то, о чем мы не можем или не умеем прочесть. Никто, не может прочесть послания, записанные разноцветными узелками на шнурках “кипу” — узелковым письмом инков; никто не сумел разобрать длинные тексты, записанные иероглифами майя (благодаря словарю, оставленному нам любознательным монахом Диего ди Ланда [2], увы, сжегшем на костре почти все “дьявольские” книги, мы знаем только числительные и названия месяцев); никто не сумел ещё прочесть критского линейного письма А [3] или знаков, начертанных жителями древнего Мохенджо-Даро.

Понятно, что такая строгость чрезмерна, и ученые называют доисторическим все то, что не описано или хотя бы не упомянуто в дошедших до нас и прочитанных текстах. В результате возникает немалая путаница. Так, скифы историчны, так как о них писали греческие историки, начиная с Геродота, а куда более поздние в сравнении со скифами жители свайных поселков центральной Европы или ещё более близкие к нам строители Теотихуакана почти на том месте, где теперь мексиканская столица, оказываются

доисторическими. Этруски — исторический народ, историчен Карфаген, ибо о них писали и греки, и римляне, но мы куда больше знаем о селениях доисторических обитателей острова Кипр, чем о городах этрусков или Карфагене.

История полна таких парадоксов, но они теперь нас не смущают, потому что мы, люди XX в., давно привыкли мерить историю человечества мерой собственной истории, включившей все наследия культуры. Подчас даже трудно представить себе, насколько углу билась история по сравнению с не столь уж давним временем, скажем, Пушкинским. Что было тогда известно? То, что дошло в текстах римских и греческих писателей и, заметим, переживалось как литература, то есть нечто легендарное. Стихи Пушкина усыпаны именами греческих богов и героев, но Онегин, как мы помним, предпочел английскую политэкономия Гомеру и Феоокриту — под влиянием Просветителей мода на античность проходила. А какой фантастической была эта “античность”? Гете, называемый певцом античности, совершил утомительное тогда путешествие на юг Италии и был неприятно поражен видом руин греческих храмов: их облик не совпадал с его воображаемой Грецией, Настоящая Греция, остававшаяся под гнетом Турции, была трудно доступна, и когда английский посланник лорд Элджин выставил в Лондоне мраморные скульптуры Парфенона, спасенные им в разрушенных и обнищавших Афинах, утонувшие в бурю вместе с кораблем, поднятые на поверхность моряками адмирала Нельсона, — образованная Европа долго не

могла успокоиться — так это было непривычно, ново, странно.

Что уж говорить о Египте! Когда сопровождавшие Наполеона ученые опубликовали свои рисунки пирамид, почти доверху засыпанных песком храмов и сфинкса, — это было открытие мира заново. В середине XVIII в. лорд Болингброк (его секретарем был будущий автор “Путешествия Лемюэля Гулливера” — Свифт), один из образованнейших людей своего времени, язвительно писал об “отце истории” Геродоте: “Написал ли он “Ассирийскую историю”, мы не знаем: но нет сомнения в том, что это понятие вскоре после него приобрело нарицательное значение для характеристики неправдоподобных легенд”.

Прошло почти сто лет, и во времена Пушкина, Чаадаева, Вяземского, Жуковского, переведшего на русский “Одиссею” Гомера, Гнедича — переводчика “Илиады”, имя ассирийцев оставалось все такой же легендой. Как же это могло быть, ведь Библия подробнейшим образом повествует об Ассирии и Вавилоне, а этот источник был доступен? Получилось так, что на пороге великих открытий науки, когда археология вот-вот должна была начать своё победное шествие по свету, старые тексты оказались не в почете. Люди верующие, не говоря уже о теологах, интересовались только религиозным содержанием Библии, а образованные атеисты отметали, именно из-за этого религиозного содержания, “Библию” целиком.

Затем был “взрыв”: Шлиман, с Гомером в руках, раскопал Трою; любознательные колониальные

чиновники[4] нашли легендарный Вавилон, Ниневию, Ур; австрийский авантюрист и английский художник[5] привезли из Центральной Америки зарисовки таинственных сооружений; заново начали перечитывать старые книги, в которых многое оказалось достоверным...

С каждым десятилетием история углублялась на сотни лет, и этот процесс далек от завершения. Совсем недавно итальянские археологи расчистили от песка и камней Эблу — столицу крупного “потерянного” государства, упоминавшегося в египетских и месопотамских записях. В середине 70-х годов вышли в свет книги о городе Дильмун на острове Бахрейн в Персидском заливе, городе, бывшем современником и торговым партнером Ура и Мохенджо-Даро. В 1979 г. Тур Хейердал, обходивший Аравию на тростниковом "Тигресе", обнаружил ступенчатую пирамиду в Омане. До сих пор не найдена на том же аравийском берегу богатая в древности Гирза, да и у нас в стране до сих пор не удалось найти греческий город Фесис, стоявший на берегу Риони, где-то совсем близко от Поти.

Одновременно с находками, о которых шумел весь свет, совершались одно за другим открытия, которые поначалу мало кого интересовали, кроме самих ученых. Скромные рядом с золотом украшений в поздние эпохи орудия труда и войны раскрыли нам ранний, средний и поздний каменные века. Прошлое человека стремительно откатывалось назад, и на сегодня возраст самых древних орудий человека исчислен в 1 750 000 лет!

Для нас с вами это чрезмерно далеко, интересующие нас сооружения много моложе. Но одно

мы запомним: доисторическим мы будем теперь считать только то в прошлом, чего мы не знаем, что не можем датировать. Все остальное — фундамент нашей с вами культуры.

Но это истории культуры в целом, но что такое архитектура? Всякое ли сооружение — архитектура?

Нора крота — сооружение, муравейник и тем более термитник — тоже сооружения и ещё какие: настоящие небоскребы, если сопоставить их с размерами строителей. Выстроены эти сооружения в высшей степени целесообразно, по определённом плану, вернее, программе последовательных действий. Но эти сооружения — не архитектура, ибо ни птица, ни термит не имеют в сознании образа будущего сооружения как целого, они не в силах изменить строительную программу — та "впечатана" в них. Значит, есть первое условие; архитектура существует тогда, когда в голове строителя (а архитектор и значит "главный строитель") есть целостный образ того, что предстоит соорудить. Такой образ и называется проектом.

И этого, однако, мало. Самое древнее на сегодня жилище найдено на южном берегу Франции, неподалеку от Ниццы. Сняв один за другим плотно слежавшиеся слои песка, археологи обнаружили ямки от жердей, когда-то вкопанных в землю. Эти ямки расположены по более или менее правильному овалу (есть образ целого и, скорее всего, жерди были согнуты навстречу одна другой и связаны. Внутри был очаг из нескольких плоских камней. По степени законченности камней, по количеству рыбных костей и раковин съедобных моллюсков, ученые смогли определить, что этим жилищем пользовались не более

десяти дней. Геологи помогли определить, что этому шалашу не менее 150 000 лет. Сооружение? Да Архитектура? Нет. Не хватает ещё одного признака — долговременности, надежности. Без этого условия убежище не становится архитектурой как не становится ею туристская палатка, хотя ее вполне можно назвать домом.

Надежность, устойчивость во времени совсем не означает непременно долговременности материалов, В Японии есть древнее святилище Исэ: деревянный храм VII в. каждые 20 лет разбирается и выстраивается заново точно таким же. Его доски, столбы, соломенная кровля живут два десятка лет, храм как архитектурное сооружение — больше тысячи. Устойчивость не обязательно означает и сохранение формы; столетиями перестраивался парижский Лувр, Московский Кремль, центр Лондона, Москва после очередного из частых в прошлом больших пожаров. Но всякий раз что-то существенное сохранялось — то древнейшее “ядро”, как в Лувре; то фундаменты храмов и стен, как в Кремле; то очертания улиц, как в Лондоне или Москве. Из всех известных нам памятников архитектуры, может быть, только великие пирамиды в Гизе остались теми же, что и в год постройки — только полированную облицовку с ник содрали поколения царственных хищников[6].

И ещё одно условие существования архитектуры нам надо иметь в виду. Архитектурное сооружение всегда часть некоторого большего целого — микрорайона, квартала, поселка, города. Оно не существует в одиночку даже и тогда, когда гордо возвышается в пустыне, в долине, на холме. Оно и тогда часть пейзажа, связанное с ним и вместе с тем противостоящее ему.

Для того, чтобы родилась архитектура, нужно было совмещение всех этих условий: образ сооружения, идея его устойчивости, включённость в ландшафт. Чтобы три условия объединились, нужно было ещё одно: архитектура не могла возникнуть раньше утверждения оседлого образа жизни. Бродячим охотникам и рыболовам архитектура была ни к чему.

Но если так, то нам вовсе незачем вслепую искать родину архитектуры по всем континентам: она там, где впервые стали сеять хлеб, где впервые одомашнили животных. Мы ещё не в состоянии указать точно широту и долготу этого места, но “руг поиска не так уж велик. Благодаря огромному труду археологов, ботаников и зоологов район поиска очерчен уже точно: это восточная часть нынешней Турции, запад Ирана, север Ирака, Палестина.

Ледник уходил — сначала медленно, едва заметно, потом все быстрее. Зона последнего великого оледенения съеживалась, граница льда отступала на север. Вместе с ней на север уходила тундра, за ней лес, а с ними и животные. Высыхали саванны на месте нынешней Сахары — только в дельте Киле и в Двуречье ещё тысячи лет держались бескрайние непроходимые болота. Человеку надо было решить: или уходить за зверем, или перестроить жизнь. Но человек был не один, и люди решили по-разному. Одни, не размышляя, год за годом догоняли четвероногую пищу, незаметно для себя уходя все дальше от Средиземного моря. Другие... как-то они должны были размышлять — во веяном случае они искали и находили наиболее приятные для жизни уголки. В небольших, закрытых от, сильных ветров долинах было в те времена не слишком сухо и ив

слишком влажно, солнечно, но не чрезмерно жарко. Здесь из камней били многочисленные ключи, стекавшие ручьями к реке, и потому сюда сходились на водопой дикие свиньи и козы. По склонам росли предки нынешних ячменя и пшеницы, низкорослые, С тощим колосом и мелкими, но вполне питательными зернами. Здесь были предки яблони, вишни и винограда, а на дне долин скопилось достаточно мягкой породы, чтобы ее можно было взрыхлить заостренной палкой. В этих-то малых долинах “ был сделан тот первый, великий шаг к современной цивилизации. Время, когда он был сделан, то абстрактное необратимое время, о котором первые земледельцы не имели ни малейшего понятия, тоже не секрет. Выяснить его помог радиоактивный углерод, тот самый C14, который в постоянной концентрации содержится во всем живом на земле и начинает неуклонный процесс распада с момента гибели живого. Время это: не ранее X — не позднее конца IX тысячелетия, 11 000 — 12 000 лет назад.

Возможны, даме обязательны новые открытия, но на сегодня мы знаем ту точку на карте, где началась на самом деле новая жизнь. Неподалеку от верхнего течения Иордана, в ныне сухой и совершенно бесплодной долине, называемой Вади-эн-Натуф, удалось найти нечто вроде кинолетописи Первого Шага. Представьте себе, что из киноплёнки вырезан первый кадр, где пятка только-только оторвалась от земли; средний, где вся тяжесть перешла на одну ногу, а вторая зависла в воздухе; и последний, где носок уже коснулся земли в стандартных 75 см от первой точки. То же самое — и Вади-эн-Натуф.

Первый кадр: люди ещё живут а пещере так же, вернее почти так же, как десятки тысяч лет до того.

Почти — потому что они уже приручили свиней и коз (скорее козы и свиньи сами приобвыкли к месту, где всегда можно подкрепиться), и если не сеют, то собирают зёрна пшеницы и ячменя.

Второй кадр; совсем рядом со входами в пещеры, в нескольких десятках метров от них, отважные пионеры возводят нечто, вроде маленькой пещеры для каждой семьи отдельно — в истории это сухо называется началом разложения первобытно-общинного строя. В скальном основании выбиты небольшие, в 3—5 м диаметром овальные ямы сантиметров 70 глубиной, с очень гладким полом. В полу ямки поменьше. Это почти наверное первые в мире “кухонные шкафы” для запаса зерна. Уже по периметру овале укреплялись жерди, связанные, по-видимому, неверху и накрытые, скорее всего, сшитыми козьими шкурами.

Третий кадр: такие же дома отодвинулись от прежнего пещерного “поселка” и стоят группой вдали, под огромным и пустым небом.

И это все? Все.

Но никак нельзя недооценивать важность впервые сделанного броска в пространство, ведь оторваться от спасительно-привычной скальной стены было попросту страшно, очень страшно. К счастью, это можно доказать: в США, там где сходятся углами четыре штата — Юте, Колорадо, Аризона и Нью-Мексико, — есть в горах место, называемое Меса Верде. Там целый городок, с выложенными из отесанных камней

домами и сторожевыми башнями, спрятался словно в карман под огромный скальный навес: так, неверное, казалось безопаснее. Пусть Меса Верде — современник Москвы и потому на 9000 лет моложе поселка натуфиэнцев. Там тоже делался Первый Шаг, ведь история развивается не только во времени, но и в пространстве, и даже сегодня на Новой Гвинее неподалеку от аэродрома столицы нового независимого государства Папуа есть в горных долинах племена, живущие в каменном веке.

Итак, в Вади-эн-Натуф уже почти архитектура, ко только почти: недостает двух важных деталей. Нет границы, которая отделила бы посёлок как целое от внешнего мира, и нет осмысленного порядка в расположении хижин по отношению друг к другу. Осталось сделать ещё один шаг, но в этой долине его так и не сделали. Ну что же, натуфианцы и так произвели революцию — совсем поблизости, на горе Кармель, глядящей в Средиземное море, из пещер так и не вышли.

Стены Иерихона

Лишь часть города, первого города на свете, видна нам с южного участка стены. Стена не слишком толста, и она не выдержала бы ударов тарана, но таран ещё не изобрели, его применят лишь через тысячи лет,

Мы видим, что строители решили уже сложную задачу соединения стены и мощной сторожевой башни, которая (вполне возможно) угрожала уже не так внешнему противнику, как тем из горожан, кому пришлось бы в голову усомниться в праве вождя— военачальника или жреца распоряжаться имуществом, жизнью и смертью каждого. С этой точки нам не виден ров, выбитый в скале, служащей подножием оборонительной стены. Внизу долина Иордана — там поля и сады; там, вдоль реки, вьется дорога к Мертвому морю, и часовые на стене, по всей видимости, вглядываются в поворот этой дороги, на

которой кто-то появился. А, может, показалось?

Внутри, чуть отступя от стены, сгрудились почти такие же дома, как в Вади-эн-Натуф. Один из них как раз достраивают, в дверях другого задержался, забыв взять что-то, его хозяин, и нам видно, что внутрь надо спуститься по нескольким ступеням деревянной лестницы. Из соседнего дома что-то соблазнительное стянула собака: рядом с человеком уже обосновались псы, козы, свиньи, индейки. Чуть подалее видно, как два округлых дома соединены в одно помещение — судя по фигуре на приставной лесенке — это зернохранилище. Уже есть запасы, есть что защищать, и за нашей спиной километрах в 30, есть поселения тех, кто не прочь познакомиться поближе с богатствами Иерихона.

Храм, во многом остающийся загадкой по сей день, отсюда, к сожалению, не виден: надо было выбрать, что показать — его или стену. Я выбрал стену, а рисунок храма вы увидите на следующих страницах.

Нет, это совсем не те стены, которые якобы рухнули от рева труб, пришедший в литературный язык из Библии, “Наши” стены старше на много тысяч лет и возвели их люди, когда не было не только ни одного из живущих сейчас на земле народов, но ни одного из тех народов, что упомянуты в древнейших исторических источниках, Считать тысячелетиями трудно, годов же набирается слишком много, чтобы мы могли как-то

охватить их количество мысленным взором. Попробуем считать в поколениях, считая на каждое 25 лет. Тогда возникает своего рода масштабная линейка. На этой линейке от гибели Пушкина на дуэли прошло всего шесть делений; от Куликовской битвы — всего 24; от основания Москвы — 33; даже от падения Трои — только 126 поколений, а вот сооружение стен Иерихона отделяет от нас 380 чётрочек линейки — триста восемьдесят поколений?

В этом немыслимо далеком прошлом произошло то, что кажется чудом. Только что человек изобрел дом, и вот вскоре... ученые сначала с трудом могли поверить собственным глазам; из траншей раскопов возникал город. Во всяком случае сначала сомнений по этому поводу не было.

В самом деле, самый первый, самый ранний Иерихон сразу занял площадь в три с лишним гектара! Современному горожанину такой размер может показаться забавным — в иных микрорайонах такую величину занимает двор, ограниченный несколькими 16-этажными домами. Но зачем же мерить нынешней мерой, это несправедливо. Троя, та самая могучая Троя, которую десять лет осаждали герои Гомера, была в два раза меньше!

Итак, всего 32000 м², не меньше 2 и не более 3 тысяч жителей. Мала? Половина городов классической Греции, треть городов средневековой Европы, почти половина уездных городов России пушкинского времени не имели больше.

Плотное скопление домов — почти таких же, как в Вэди-эн-Натуф, но покрупнее (в иных и две, и три комнаты) окружено каменной стеной. Стена не

слишком толста — всего полтора метра, но ведь орудий для штурма крепостей ещё не было. Даже сейчас эта стена, выложенная из камня, сохранила три с половиной метра своей первоначальной высоты.

Этого мало: стена переходит в одном месте в круглую башню диаметром восемь с половиной метра, ещё и сейчас возвышающуюся на шесть с половиной. Здесь нам надо поразмышлять, потому что единственное сооружение означает — коль скоро оно первое в мире — что человек осуществил сразу множество изобретений.

Начнем с того, что он открыл вертикаль. Метровую стенку дома из обмазанного глиной плетня можно ещё было соорудить, особенно не задумываясь. Здесь же надо было слой за слоем укладывать камни, и вертикаль оказалась сложенной из горизонтальных рядов. Более того, всякий, кто пробовал возводить вертикальную стену даже не из случайных камней, а из одинаковых, фабричного изготовления кирпичей, прекрасно знает; больше, чем на 2 — 3 м высоты обойтись без отвеса невозможно. Невозможно, потому что, как только оторвешься от земли и станешь на леса, стена начинает терять послушание и отклоняться — на нас или чаще — от нас. Башня, сохранившаяся на шесть с лишним метров, должна была первоначально возвышаться никак не меньше, чем на восемь-девять. Следовательно, нужно было как-то сооружать леса, организовать слаженную работу каменщиков и подносчиков, надзирать за ходом стройки. Кто-то должен был держать отвес, а кто-то другой сверить возводимую стену — с чем? — с линией, образованной шнурком, — с абстрактной вертикалью.

Затем обратим внимание на то, что наш первый архитектор должен был создать в голове пусть приблизительный, но всё же достаточно конкретный образ будущего сооружения — своего рода проект. Это не досужие догадки. У башни есть не только внешние очертания, но и внутреннее пространство, к тому же сложное. Строители не ограничились тем, что казалось бы, проще и естественнее: приставлять лестницы-стремянки или всадить в каменную кладку деревянные брусья — грубые ступени. Нет, от входа внутрь башни идёт горизонтальный проход в 4 м длиной, а затем вверх поднимается лестница, сложенная из каменных ступеней, шириной чуть менее метра. Больше того, длинная, а 28 ступеней лестница, поднимающаяся под спокойным 30-градусным углом, перекрыта толстыми каменными плитами.

В те времена дожди шли здесь чаще, чем теперь, и архитектор ещё усложнил задачу строителей: с самого верха башни в толще стены спускается канал, уходящий в подземную цистерну. Тот, кто был в Новом Афоне и поднимался на гору, увенчанную древней, полуразвалившейся римской крепостью, видел такое же сооружение. Но изобретено оно, по всей видимости, тоже здесь, в Иерихоне. Канал в стене — это уже неопровержимое доказательство наличия проекта — первого в мире проектного замысла. Стены и башня Иерихона свидетельствуют и о другом. Во-первых, раз возведены такие мощные укрепления, значит было, от кого защищаться и было, что защищать. Ясно, что бродячие группы охотников не могли составить серьёзной угрозы трехтысячному населению городка, и не для их устрашения поднялась к небу башня. Значит Иерихон был не один. И в самом

деле, а последние годы археологи нашли остатки поселений, жители которых могли угрожать Иерихону, — не очень далеко, в долине Орен. Это первое, а, во-вторых, мы можем с большой долей уверенности предположить, что башня — это ещё своего рода замок, господствующий над всем городком и противопоставляющий его рядовым обитателям обособившуюся от них власть.

Почему? Потому, что возвести оборонительные сооружения такого масштаба без сильной власти, способной навязать всем и каждому огромный принудительный труд, было бы попросту невозможно. Более того, это явно постоянная впасть: стены башни дважды заново обносились слоем каменной кладки; городские стены дважды возводились вновь на руинах предыдущих. Эти новые стены к тому же строились по-новому: на каменном ярусе возводилась дополнительная стена из аккуратных сырцовых кирпичей, сделанных в деревянной форме. Но если и эти сооружения не до конца убеждают, то последнее фортификационное сооружение и вовсе не оставляет сомнений: городом управлял вождь или царь, бывший, скорее всего, и главным жрецом одновременно. Дело в том, что перед стеной был устроен ещё и ров немалых размеров: более 8 м шириной и в два с лишним глубиной. Но этот ров не вырыт, а выбит в сплошной скале! Напомним — ещё нет металла, и каждый сантиметр скалы нужно было выбивать по крошке молотом из более твердого камня.

Этой технике предстояла в будущем большая карьера, ведь именно так через тысячелетия создавались скульптуры Египта, инкского государства, острова Пасхи. Но техника эта (даже облегченная использованием огня и воды), трудоемка, утомительна

— добровольно делать такую работу не захотелось бы никому, и кто-то должен был заставлять ее делать.

Да, камни могут поведать о многом, если только их внимательно расспросить. Что могли защищать стены и башня? Вряд ли только небольшой запас зерна — его скорее нужно было защищать от собственных подданных в голодные годы. И на этот вопрос есть ответ. Иерихон стоит в выгодном месте не только потому, что здесь до сих пор бьет из земли мощный источник воды. Он господствует над долиной Иордана — единственным удобным выходом к Мертвому морю. А Мертвое море это не просто необычайно соленая вода, в которой невозможно утонуть. Это ещё самородная сера и самородный асфальт, кусками всплывающий на поверхность. И сера, и асфальт были нужны всем для разных целей: сера — для обработки шерсти и как лекарство, асфальт — для водонепроницаемой обмазки, ведь керамики ещё не было! Единственная тропа вела на север от Красного моря долиной Иордана, и по этой тропе кто-то нес раковины каури, игравшие в эпоху неолита роль своеобразных денег. По этой же тропе несли на север полудрагоценные (сегодня, для нас, а тогда драгоценные) камни из будущей Персии, из будущей Индии. И над всей этой тропой господствовала башня Иерихона.

Стены этой крепости скрывают множество загадок и мы разгадали далеко не все. Только подумайте: иерихонцы делали из глины и обжигали в очаге маленькие фигурки животных и богини-матери — богини плодородия. Более того, найдены остатки скульптурной группы из трех фигур, вылепленных из глины на тростниковом каркасе, и несколько черепов, тонко и тщательно облепленных глиной и

раскрашенных так, что получался портрет, и поэтому мы даже знаем, как выглядели строители башни. На одном из этих скульптурных портретов видны вполне модные сегодня усы. Все это означает, что люди пользовались глиной как художественным материалом и хорошо знали ее свойства. Но вот догадаться вылепить и обжечь на огне простейший глиняный горшок они почему-то так и не смогли или не захотели, и всю свою посуду делали из мягкого камня. Они даже умели чинить эту посуду: когда каменный сосуд раскалывался, у краев неравных половинок просверливались дырочки и чем-то стягивались. Чем? — Неизвестно. Получается удивительная, трудно понятная вещь: сложная архитектура и скульптура гораздо древнее керамики — тех самых обожженных черепков, по форме, цвету и орнаменту которых ученые уже довольно легко теперь определяют время, различают последовательные слои культуры. Итак, архитектурное сооружение древнее керамики — это надо запомнить!

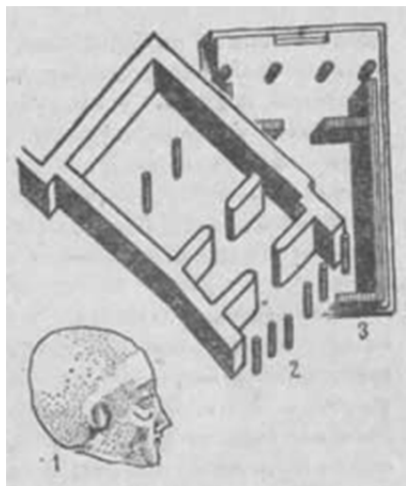
Да, мы говорили, что дома Иерихона были почти такими же, как у предков — натуфийцев. Но ведь, если почти, то было и различие, к тому же очень, существенное. Пол жилища по-прежнему заглублен, но вниз вели деревянные ступени, а дверной проем был обрамлен деревянными косяками. Почему это важно? Потому, что люди перестали удовлетворяться простым лазом и осознали значение входа — перехода извне — внутрь. Только теперь можно говорить о возникновении интерьера, т. е, внутреннего пространства, понижаемого как отдельный,

обособленный от внешнего пространства мир, так сказать, мир для себя. Это подтверждено и тем, что стены изнутри покрывают теперь точкой глиняной обмазкой и тщательно ее выглаживают. Конечно, в таком доме легче было поддерживать чистоту, но даже если поначалу дело было только в этом, постепенно обитатели овальных домов должны были обратить внимание на то, что на гладкую стену приятнее смотреть. Очи начинают замечать различие между приятным и неприятным для глаза, между красивым и некрасивым, а значит, сооружение оценивается уже и с точки зрения художественного вкуса. Где-то около 6500 г. до ч. э. какой-то сильный враг всё же сумел захватить Иерихон, но вскоре тот отстроился заново, и нашим глазам открывается новый круг архитектурных изобретений. Новые стены возводятся на остатках старых и потому поднимаются выше. По-прежнему нет улиц, и дома разделены дворами неправильной формы, но среди овальных домов теперь обнаруживаются и прямоугольные!

Почему поставлен восклицательный знак? А потому, что это удивительное открытие — прямой угол. Сначала, как мы помним, человек осознал вертикаль, но вертикаль осознать относительно просто: сам человек вертикально стоял на земле, по вертикали поднимались к небу кедровые деревья в горах Ливана. Но вот увидеть прямой угол на горизонтальной плоскости в природе невозможно. Для того, чтобы поставить наипростейший прямоугольный дом, нужно на ровной площадке сначала разметить колышками и шнурами прямоугольник. Это столь привычная, столь естественная для нас с вами форма, что нужно сделать над собой усилие, чтобы понять: изобретение этой абстрактной геометрической фигуры было настоящим

подвигом интеллекта. И это изобретение было сделано в архитектуре. Оно означало какой-то важный сдвиг сознания и должно, обязательно должно было сопровождаться ещё иными. Так и было.

Стены возводятся уже из кирпичей новой, хочется сказать “новомодной” формы — они длинные, несколько сигарообразной формы и, естественно, укладываются, как говорят каменщики, “вперевязку” — такие стены прочнее. Сберегая собственные бока и всё же не слишком могучие стены (кирпич-то необожженный), иерихонцы аккуратно скругляют углы при входе. И ещё — вместо глиняной обмазки они делают теперь внутри тонкий слой белоснежной гипсовой штукатурки, которую нередко окрашивают красно-золотистой охрой. Наверное, этому придавалось и какое-то религиозное значение. Но кто теперь рискнет отрицать, что изобретатели архитектуры обладали уже развитым художественным, чувством!

И словно для того, чтобы лишить ученых сна, иерихонцы предложили им неразгаданную по сей день загадку: среди домов ясно выделяется храм. Это не просто один из домов, предназначенный для неведомых нам церемоний. Нет, это тот же тип храма, какой известен нам по руинам Греции и Рима. В самом деле, на фасаде отчетливо виден портик — шесть колонн, разом выдвинутые вперед (кстати, в самых ранних греческих храмах портика ещё не было, его роль играли выступы стен, потом уже между ними появились колонны — всего две). За портиком открывается затененная им ниша и широкая дверь в ее

середине. За этой дверью что-то вроде сеней, вытянутых поперек движения (греки потом называли такое помещение пронаосом) и следующая дверь на той же оси. А уже за этой дверью — само святилище, пол которого был покрыт отполированной до блеска гипсовой штукатуркой (как в Кносском дворце на Крите, спустя 4000 лет) и циновками, а потолок опирался на два тонких деревянных столба.

Смотрите сами: перед нами развивающаяся вглубь система пространств — почти анфилада. Это строго симметричное построение, значит уже осознана симметрия, ее специфическая спокойная красота. Это сложная композиция: портик, вестибюль и колонный зал, постепенно погружающийся в темноту. Наконец, перед нами то, что инженер называет стоечно-балочной конструкцией — на колоннах лежали поперечные деревянные балки. Храм невелик, Даже мал — всего 6 м ширины и 9 м длины, но это первое из известных нам художественно-организованное архитектурное сооружение. В нем есть уже все те элементы, из которых долгие тысячелетия собиралась торжественная архитектурная форма.

Пока это мучительная загадка — рядом есть ещё несколько храмов, но они гораздо примитивнее: это просто комнаты с чем-то вроде алтаря и полированным камнем, игравшим роль скульптурного изображения божества (такие камни устанавливались и тысячелетиями позже — у финикийцев). Нет промежуточных ступеней, нет следов медленного развития. Качественно новая, немыслимо оригинальная архитектурная форма возникает, вроде бы, мгновенно, как взрыв. Но это противоречит всему нашему опыту, ведь, даже гениальность Леонардо да

Винчи всё же опиралась на грандиозный багаж накопленного со времени античности опыта, а здесь?

Или перед нами почти чудо — след творчества самого гениального из всех гениев зодчества. Или всё же — образец, развитый и усовершенствованный нашим гениальным зодчим, был создан где-то в другом месте, которое ещё не найдено, о существовании которого мы ещё не догадываемся. Может быть ответ придёт завтра, может быть через 100 лет: искать нелегко, но упорный поиск рано или поздно даёт результаты. Вот ведь 30 лет греческие археологи, пользуясь самым современным оборудованием, искали на дне моря корабли, затонувшие в день битвы при Акциуме — той самой, в которой флот Октавиана разгромил флоты Антония и Клеопатры. Археологи, заметим, знали где искать, но только в октябре 1980 г. аквалангисты укрепили цветной буй над корпусами судов, пролежавших на дне незамеченными 2011 лет. Нет сомнения в том, что какие-то прямые предшественники Иерихонского храма будут найдены — обнаружили же археологи святилище эпохи палеолита перед входом в пещеру Эль-Гуно, на севере Испании.

Почти точно посередине ровной площадки возвышается искусственный холмик, сложенный из плоский камней и оленьих костей. Холмик увенчан уложенной горизонтально плитой из песчанике, весящей около тонны. Эту плиту окружают камни, поставленные, вертикально — из этой начальной формы развились впоследствии сложные конструкции Курганов. Судя по тому, что в небольшой траншее перед "алтарем" орудия охоты и костяные швейные иглы уложены поврозь, в две отдельные кучки,

неведомым божествам поклонялись и мужчины и женщины.

Самое поразительное в том, что поодаль “алтаря” сохранилось каменное изваяние высотой 35 сантиметров: грубое изображение головы, которое, однако, никак нельзя назвать примитивным, коль скоро правая половина — лицо бородатого мужчины, а левая — морда хищника.

Обнаружившие святилище испанские и американские ученые определили по вполне объективным свидетельствам время его сооружения — XII тысячелетие до н. э. Шесть тысяч лет, разделяющих “алтарь” в Пиренеях и храм в долине Иордана, должны таить в себе промежуточные ступени развития. Прошлое откатывается назад так стремительно, что обгоняет работу над небольшой книгой. В предыдущей главе утверждалось (по многократно проверенным научным публикациям), что первое временное жилище имеет возраст 150 000 лет. Сейчас трудами экспедиции доктора Роберта Лики в танзанийском ущелье Олдувэй доказано: грубый круг из уложенных на земле кусков лавы, своего рода рабочий пол хижины, имеет такой же возраст, как и первые каменные орудия, т. е. около 1 750 000 лет. Исследования в Европе тоже не стоят на месте, и в Терра Амата, около Ниццы, как удалось узнать из новых публикаций, обнаружен целый посёлок из 21 хижины. Сохранились ямки от жердей по овалному контуру и сложенные из камней очаги. Возраст — около 120 000 лет.

Но вернемся к уроку Иерихона: архитектура родилась. Перед нами крепостная стена — граница между городом и негородом, тем, что внутри и тем, что

снаружи. Перед нами башня, ориентир, видимый за несколько километров. Перед нами скопление домов и храмы. Но все-таки город ли это? Для того чтобы быть полноценным городом, Иерихону так и не достало двух важных характеристик — в нем нет улиц и нет площади. Это, если так можно выразиться, жилая крепость, но не город. Нечего, что наминало бы дворец властителя, в нем тоже нет, что заставляет предположить, что царем или вождем был верховный жрец, живший при храме.

Архитектура родилась, но градостроительству как виду архитектурного искусства ещё только предстояла возникнуть — тысячи лет спустя. Что ж, довольно и того, что мы узнали, тем более что дальше вовсе не было простого и прямого пути развития. Все оказалось сложнее.

Черепки и камни

Так жил дом-поселок на двугорбom холме - Ч'атал-Хюйюк. Может быть, это было и не слишком удобно - путешествовать из дома в дом только по крышам, поднимаясь и

спускаясь через широкие печные трубы. Зато все в целом превратилось в крепость, которую ни разу не удалось захватить врасплох или взять штурмом.

Чтобы удержать тяжесть толстых кровель, стены массивны и окошки под самой крышей малы, но нужно учесть, что в этих широтах солнце уже столь ярко, что света внутри, пожалуй, достаточно. Однако обитатели Холма, когда они не заняты в поле или на охоте в предгорьях, предпочитают проводить время на крышах. Обратите внимание, что ковры и циновки стали обычным предметом обихода, заменяя прочную мебель.

Уже возникла керамика: не только посуда, но и скульптура. Я "снял" переднюю стену одного из множества семейных святилищ, и можно видеть, как непроста уже архитектура. Из стен выступают прямоугольные столбы-пилястры, на которые опираются главные балки перекрытия. Пол превращен в сложную систему низеньких и широких ступеней, из которых вверх поднимаются небольшие алтари. На стене - вылепленные из глины бычьи головы, украшенные настоящими рогами, и если снаружи все рыжевато-белесое, то внутри, в полусвете сверкают красным, оранжевым, желтым и фиолетовым орнаментальные полосы и настоящие фрески.

Гора, виднеющаяся на заднем плане, - один из только что погасших вулканов. Это главный источник благосостояния Холма: там его жители добывают черное вулканическое

стекло - обсидиан, который так нужен для производства оружия и орудий и потому его вывозят отсюда за десятки и даже сотни километров.

Наверное, нужно родиться турком, чтобы суметь правильно произнести: Ч'атал-Хюйюк. Поскольку, однако, это означает всего лишь «двугорбый холм», мы, для облегчения себе жизни, будем называть его просто Холмом. В 1961 г. обнаружилось, что Холм — это 24 слоя остатков изрядного по размерам поселения, из которых нижний, самый ранний, датирован довольно точно 6500 г. до н. э. Холм, разумеется, возник на этом месте — в излучине реки Чаршамба [**] — не случайно. Здесь, на высоте 1000 м над уровнем моря, на границе между заболоченной низиной и степью, были когда-то самые плодородные земли Анатолии — юго-восточной территории нынешней Турции. Ясно, что сюда должны были придти колонисты-земледельцы — рано или поздно. Они пришли рано, начали сеять пшеницу, ячмень, горох: уже не дикорастущие семена, а более урожайные гибриды, Чаршамба снабжала их деревом с гор, и им крайне повезло ещё в одном: в сотне километров на северо-восток от Холма, вверх по течению реки до ее истоков, в небо врезались могучие вулканы, в те времена ещё действующие. Вулканы — это не только пугающие извержения лавы, это ещё плодородный пепел, сносившийся к Холму ручьями и рекой. И это обсидиан — черное вулканическое стекло, из которого получались замечательно острые ножи, топоры, серпы.

Так как люди уже тогда не могли представить себе жизнь без зеркала, а из обсидиана, при умелом с ним обращении, получались первоклассные по тому времени зеркала, а ножи и серпы тоже требовались всем, жители Холма

оказались монополистами. Они ревниво стерегли доступ к своим обсидиановым карьерам и богатели на обмене. Не нужно думать, что международная торговля началась в Месопотамии и Египте — обсидиан, добытый жителями Холма, обнаружен на Крите и в Сирии, а на Холме модницы щеголяли в бусах из камней Ирана и ракушек Красного моря.

Это означает, что на Холме кое-что знали об окружающем мире, хотя бы из вторых рук, но строить предпочли по-своему. Опять возникают трудности. Назвать Холм городом ещё труднее, чем Иерихон. Здесь не было оборонительной стены, не было башен. Ни улиц, ни площадей. Даже дворов мало. Вместо всего этого сплошная застройка в несколько террас, лишь изредка прореженная внутренними дворами.

Холм — это дом-крепость, дом-город размером 150X500 м, в два с половиной раза больше Иерихона. Не было оборонительной стены, но внешние стены стоявших на краю домов были толстыми и совершенно

глухими, без единого окна. Между соседними домами не было дверей, в свет внутрь попадал через окна, прорезанные высоко, под самой крышей. Жители Холма настолько ценили безопасность, что избрали далеко не самый комфортабельный способ попадать домой. Для того, чтобы навестить соседа, им

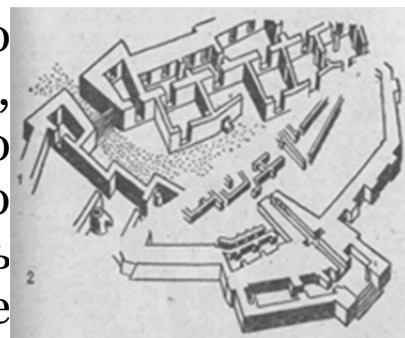
требовалось: залезть на четвереньках в камин; по стремянке подняться вверх и вылезти на крышу: пройти по крышам соседних строений, поднимаясь или спускаясь по приставным лесенкам; найти нужную трубу и спуститься по ней вниз, чтобы предстать перед хозяевами — естественно, на четвереньках.

Способ передвижения, что и говорить, утомительный, зато... пожары на Холме бывали, но противник ни разу не сумел взять его штурмом. Не удивительно — 14 июня 1540 г. Франсиско Васкес де Коронадо[7] после тяжелого боя взял штурмом пуэбло Сибола [***] с отрядом в 250 кавалеристов и 70 пехотинцев, закованных в стальные кирасы и вооруженных аркебузами. При чем здесь Сибола? Да дело в том, что нигде в истории мира мы не найдем поселений более похожих на Холм, чем дома-крепости индейцев пуэбло (рис. 6.1), расцвет которых приладится примерно на то время, когда князь Юрий Долгорукий впервые упомянул в письме к брату имя Москвы.

Повторим: история развивается в пространстве, и то, что жители Холма открыли 85 столетий назад, жители террасных сооружений Америки самостоятельно изобрели заново...

Холм особенно интересен тем, что это на сегодня единственное место, где ученые могли наблюдать начало керамики: черепки первого глиняного горшка появляются здесь через 600 лет после того, как первые колонисты воздвигли свой город-

дом, и только через три века на черепках появляются следы кисти — роспись. Нет, керамику изобрели не здесь. Первые обожженные глиняные сосуды изобретают далеко отсюда, в маленьких горных долинах Иранского нагорья. Новый материал, новое искусство принесла на Холм торговля. Здесь же, на Холме, тоже не сидели сложа руки и творили своё новое.

Здесь плели ковры — не циновки, какие клали на пол в Иерихоне, а настоящие ковры, прикрывавшие беленые стены домов. Удалось найти не только обуглившиеся кусочки этик ковров, но и «портрет ковра», написанный разными красками на одной из стен. Обнаружилась поразительная вещь: ковер с Холма можно спутать с теми коврами-килимами, которыми и сегодня знаменита Турция. Оказалось, что раз найденные рисунки и сочетания красок могут жить почти вечно. Появлялись и растворялись в неизвестности народы, возникали и рушились царства, изобрели ткацкий станок, паровую машину и реактивный двигатель, а рисунок ковра все тот же. Кстати о ткацком станке — простейший, ручной, он уже был в домах на Холме. И ещё здесь были фрески. Самые первые фрески на стене, сложенной рукой человека и заглаженной тщательно гипсовой штукатуркой. При этом любопытно: ранние фрески — родные сестры пещерных росписей: охотники, опоясанные шкурами леопардов (и в Турции когда-то были леопарды), с луками в руках, мчатся за оленями. Ученые ожидали этого — уже осев на землю, занявшись земледелием, люди все никак не могли отвыкнуть от своего прошлого. А потом

внезапная, резкая грань. Живые, натуралистические изображения исчезают, а на их место приходят абстрактные композиции[8]. Но не будем забывать, что это для нас они абстрактны — мы их просто не умеем расшифровывать. На самом деле, каждая линия, каждая фигура, каждый цвет что-то означали, сообщали, ведь ещё и сегодня по рисунку на ткани можно узнать, к какому роду причисляет себя шотландец; по орнаменту над входом в хижину, — какого племени высокий и гордый африканец Зулу; по рисунку на шерстяных носках, — из какой деревни родом турок.

Нас не должно удивлять, что фрески на Холме покрывали стены святилищ. Удивительнее другое. Если в Иерихоне было несколько храмов, так сказать, общегородского значения, то на Холме рядом с одним или двумя жилыми домами обязательно расположено святилище. Это убедительно подтверждает, что здесь не было централизованной власти — царской ли, жреческой ли, и Холм был, говоря поздним языком — демократией. В то же время, несмотря на повторность мотивов, устройство семейных святилищ очень разнообразно. В одном из стены выступает вылепленная из глины голова быка с могучими рогами и такие же рога торчат вверх из прямоугольного столба, В другом сооружен сложный алтарь: три бычьих головы одна над другой, а ещё выше — овечья голова, а над всем этим странная человеческая фигура с растопыренными руками и ногами. В третьем — на стене мерцает крест,

нанесенный оранжевой краской, в которую подмешан толченый кварц...

Это не только свидетельство богатой фантазии, это ещё и явное подтверждение тому, что семьи независимы, а частная собственность уже вступила в свои права. Если бы Холма не было, его следовало бы придумать, ибо лучшего свидетельства переходной — от камня к керамике, от рода к союзу семей, от магии к религии — формы жизни не найти нигде.

Мне как-то жаль расставаться с Холмом, но впереди ещё немало любопытных мест. Добавлю только, что здесь же среди прочие находок есть скульптурная группа, вызвавшая у историков искусства негромкое «Ах!». Никакой робости, никакой оглядки на прежних упрощенных идолов; на троне в спокойно-величавой позе восседает богиня весьма солидной комплекции, положив руки на головы двух животных, служащих ручками трона, — леопарда и овцы. Через несколько тысячелетий такое мастерство возрождается вновь — в Египте. Как мы увидим к концу книги, это не обязательно случайное совпадение.

И ещё одна «мелочь». В средних слоях Холма начинают все чаще встречаться бусины и подвески из свинца и меди. Безраздельное господство камня и кости уже нарушено появлением металла, так что к характеристике Холма как переходного звена, своего рода пряжки, стягивающей вместе две эпохи, добавляется последняя чёрточка.

Не будем пока удаляться чрезмерно. Если носильщики с грузов обсидиана одолевали перекал на пути к Югу, тропа выводила их в долину реки Цидн, впадающей в море, которое уже тогда было Средиземным — за ним

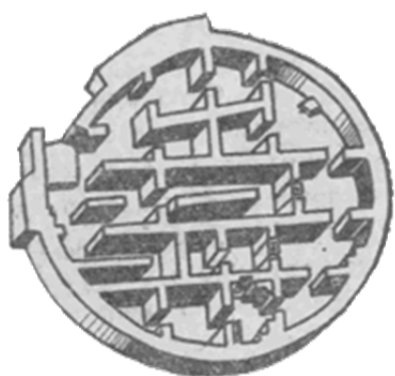
были обитаемые земли. На берегу был другой «город», Мерсин (см. рис. 10.1): Он вряд ли древнее Холма, но вряд ли и моложе. Узнать точно трудно, так как уровень подземных вод поднялся, и археологи, пытаясь добраться до нижних слоев Мерсина, вынуждены были уныло смотреть, как траншеи заполняются грязной водой. Кипр от Мерсина не виден, но стоит выплыть из залива в открытое море, как вдали, к югу будет видно облачко, стоящее над гористым островом: 75 км — это, конечно, не так уж много, но и не мало для людей каменного века, которые курсировали между островом и материком. На чем? Этого мы не знаем. Но одно ясно — на челноке в открытое море не выйдешь.

На Кипре много интересного (если помните, это из его вод поднялась богиня любви и красоты Афродита в прелестном греческом мифе), но мы будем скромны и заглянем лишь в один его уголок. С юга острова, смотрящего в сторону Египта, там, где речка Марониу делает правильной формы петлю, тоже холм. Но повтора не будет, это совсем особенный холм. На нем в середине VI тысячелетия собрались вместе около тысячи домов! Вернее, около тысячи строений, так что как ни считай, в этом месте жило никак не меньше 5000 человек. Немало для VI тысячелетия, но этим нас с нами уже не удивить. Не очень удивляет и отсутствие оборонительной стены: на Крите города не имели стен и во времена легендарного царя Миноса и изобретателя Дедала, тремя тысячелетиями позже. Море и флот заменяют крепостные стены. В Кирокитии, так называется место, интересны сами дома, первые, из известных нам, двухэтажные дома в мире. Маленьким такой дом не назовешь и сейчас: 50—60 м² на первом этаже и ещё около 40 — на

втором. Конструкция вполне оригинальна, т. е. это здесь, в Кирокитии, она оригинальна, потому что дома такого типа до сих пор строят в Сирии, Ираке, Марокко. Дом в плане круглый, значит, скорее всего идея прямоугольного дома не сумела переплыть море. Впрочем, может быть, она море переплыла, но жители Кирокитии отличались изрядным консерватизмом. Они восприняли, было, от соседей с севера или востока, с финикийского в будущем побережья, моду на изготовление керамической посуды, чрезмерных успехов в новом ремесле не достигли и, махнув на моду рукой, вернулись к изготовлению из камня своих очень симпатичных по форме сковород и сотейников. У круглого дома, как обнаружили островитяне, было одно преимущество — круг можно перекрыть не плоским потолком, а куполом. Они его изобрели. Эта гениальная находка неоднократно бывала забыта и осуществлялась вновь, причём использовали купол всё же довольно редко, сначала для гробниц, потом для храмов. Здешние же островитяне освоили конструкцию в совершенстве. Они, разумеется, не знали понятия «распор», но опыт научил их тому, что если купол велик, то даже толстые стены, которые его поддерживают, вдруг раздвигаются, и тогда все рушится вниз убийственным камнепадом. Островитяне отличались завидным упорством и отступить перед каким-то камнем не желали и... додумались до устройства двойной стены, к тому же придавая внешней стене наклон внутрь.

Лучшего бы не придумал и современный инженер. Когда до такой конструкции (не такой же, конечно, но похожей по принципу) додумался Филиппе Брунеллески[9], сумевший поднять купол над Флорентийским собором, его единодушно признали

гениальным зодчим. В Кирокитии тоже были свои Брунеллески. Купол просто так не построишь: ряд за рядом нужно сдвигать камни внутрь, все уменьшая окружность. Не располагая прочным раствором (его изобрели только римляне или этруски), купол можно делать только высоким, иначе он рухнет. А это значит, что внутри надо поднимать строительные леса — в несколько ярусов.

Кирокитяне должны были догадаться, что концы балок можно заделывать прямо в стены, а догадавшись, не пропадать же пространству, создали у дома второй этаж. Балки нужно было подпереть в одном или двух местах. Сначала, наверное, строители Кирокитии делали эти подпорки деревянными, а затем заменили их каменными столбами. Раз есть столб и к тому же довольно толстый, то почему бы не сделать его ещё потолще, но зато превратить в своего рода каменный шкаф? Так и получилось: один столб — буфет, другой — гардероб. Стены и столбы из камня, купол из необожженного кирпича, перекрытие второго этажа — из дерева и лесенка деревянная.

Смелые строители не ограничивались тем, что оставляли круглое отверстие на самом верху купола; нередко прорубали в стенке купола окошка — небольшое, но все-таки настоящее окно.

Это уже настоящая жилая архитектура: не очень светло, но не забывайте — Кирокития на широте нашей Кушки! Солнце так ослепительно, что большие

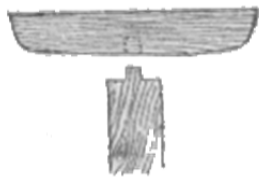
окна не нужны. Зато в домах отличная вентиляция, что в горячем и влажном климате Кипра (здесь вызревает сахарный тростник, привезенный арабами из Индии) дело первостепенной важности. Вначале я заметил вскользь, что строений больше, чем домов. Это потому, что к некоторым домам пристроены ещё купольные здания поменьше — мастерские или кладовые, или и то, и другое; зимние кухни.

В Кирокитии не было оборонительной стены, зато было нечто вроде центральной улицы. Похоже, что улицу изобрели здешние «консерваторы», не принявшие керамики. Дворы между домами были вымощены камне (тоже здешнее изобретение) и к ним от улицы-дороги вели мощеные дорожки. Если бы мы не знали твердо, что лошадь ещё не была к тому времени приручена, можно было бы даже заподозрить, что перед нами подъезды, но это только удобные подходы. В Кирокитии знали цену такой «роскоши»: если уж здесь обрушивается на голову дождь, то скользкую грязь не осилить, ни раньше, ни теперь.

Кирокития — тоже переходное поселение. Хотя из тысячи построек раскопано всего сорок, обследованы все: археологическая разведка не обнаружила пока ничего, что напоминало бы храм или жилище вождя. Судя по тому, что каменные обеденные столы стояли во дворе, обитатели купольных домов не опасались завистливых или осуждающих взглядов соседей, и большая общине жила мирно.

Не покидая того же уголка Средиземноморья, мы могли бы ещё посетить множество разных мест материка и островов. Отойдя от Ч'атал Хюйюка всего не четыре дня пути к западу, например, мы попали бы

в Хасилар[10]. Когда в Кирокитии возводили большие жилые купола, здесь их делали маленькими и ставили прямо на землю. Но это не дома, а большие гончарные печи дома же хасиларцы строили прямоугольные, из дерева и высушенного на солнце кирпича. Значит, здесь одновременно существовали уже два вида строительной техники— едва возникнув, архитектура начала говорить на двух языках.

В Хасиларе тоже были свои изобретатели. Балки плоских крыш опирались на тонкие деревянные колонны, но не прямо на них: между верхним концом колонны и балкой укладывали горизонтально короткий брус. Взгляните на рисунок — этот брус был фактически первой в мире капителью, и от нее ведут происхождение и капитель дворца в Персеполисе, который сожгли солдаты Александра Македонского, и изящная ионическая капитель Эрехтейона на афинском Акрополе, и те капители, что до сих пор поддерживают потолок в старинных домах Дагестана. Мы могли бы отправиться и на восток, но взявшись обходить все поселения района, ставшего родиной земледелия и архитектуры, мы получили бы книгу о здешней архитектуре, а как же Европа? Нет, Европу нельзя оставить в стороне, поэтому совершим прыжок а два тысячелетия и в две тысячи километров — там, на севере и западе сохранились следы того, что на юге почти совсем стерто веками, веками и веками настоящей городской цивилизации. О ней — совсем иная книга [****].

Охота на призраков

Я долго не мог решить, какое же из "призрачных" поселений выбрать для рисунка, и остановился на этом не потому, что круглые "краали" Апулии интереснее других, а потому, что на мелком рисунке их вовсе невозможно показать.

Это не самое большое из здешних селений, и число кольцевых рвов вокруг собрания хижин здесь невелико - бывало и значительно больше. Но это наиболее характерный из поселков апулийских скотоводов. Таких было более 200.

Мы стоим на склоне горы Гаргано, на том самом месте, откуда Спартак глядел на римские когорты. Отсюда плоская равнина Тавольере, однообразие которой нарушено лишь пологими холмами, тянется далеко до самого берега Адриатического моря. Этот берег, открытый холодным ветрам, совсем не похож на противоположный, где Югославия и Греция: нет вечнозелёных кустарников -

песчаный пляж, дюны. Зато ветер приносит с собой дождь, и с горы стекает множество ручьев. Воды здесь всегда было много, даже слишком много, и кольцевые канавы вокруг селений это не оборонительные рвы, а древнейшая мелиорация: и поле, и луг были делом человеческих рук. Апулийцы были прежде всего скотоводами, но они сеяли хлеб, собирали плоды и орехи на склонах, охотились - соседей у них ещё не было, и хозяйство должно было оставаться универсальным.

На «сапоге» Аппенинского полуострова легко отыскать «шпору». Если карта достаточно подробна, то можно разглядеть, что «шпора» образована горой Гаргано, а под ней, к югу, виднеется зеленое пятнышко равнины. Это Тавольере — название говорит само за себя: табула — табличка, доска. Небольшая равнина, плоская как стол.

В самом конце второй мировой войны английский археолог Джон Брэдфорд, служивший тогда в британских ВВС, просматривая аэроснимки Тавольере, обнаружил, что равнина вся покрыта слабо-выраженными, но четкими рисунками. Представьте себе, что вы с небольшой высоты бросили на воду горсть мелких камешков и тут же нажали на спуск фотоаппарата. Получится узор, составленный множеством кружочков: одни поменьше, другие побольше, то рядом, то на расстоянии один от другого, а некоторые наложатся. Именно так выглядит Тавольере с воздуха в конце жаркого лета. На земле не удастся разглядеть ничего примечательного. Почему?

Тавольере — любопытная равнина. Довольно тонкий слой почвы лежит здесь на известняковой плите. Значит, любая ямка, любая канавка, врезавшаяся в известняк и заполнившаяся со временем перегноем, соберет больше влаги, чем земля в нескольких сантиметрах от ее края. Следовательно, травы растут здесь выше и гуще и остаются зелёными тогда, когда совсем рядом все уже побурело, посерело, пожелтело. Звучит обыденно, но для археологии началась новая эпоха. Один из коллег Брэдфорда даже не удержался от того, чтобы отразить свой восторг стихотворением:

*Взгляд изощрен. Внимательный и зоркий,
он различит в скрещении полос
увядших трав и в пятнах на пригорке
дорогу, перекрёсток, склеп иль мост...*

Поэзия немогуща, но восторг понятен: в результате упорной работы на Тавольере удалось выявить не только следы римских ферм и дорог, но каждую ямку, вырытую ещё при императоре Нероне под каждую виноградную лозу. И точность при этом поразительная — ошибка не превышает несколько сантиметров (воздушной разведкой удалось потом выявить тысячи этрусских могильников, совершенно неразличимый на поверхности земли). А кружочки?

Кружочки оказались непростыми. Вот характерный рисунок: несколько концентрических кругов или овалов диаметром в сотню или несколько сот метров, это бывшие рвы шириной от 4 до 8 м. Но это не оборонительные рвы, они совсем неглубокие и на их краю не было никогда оборонительных стен, разве только легкий плетень. Внутри можно заметить незамкнутые кружочки поменьше: в 10, 20, 30 м

диаметром. И ещё можно разглядеть, что большие круговые канавы прерваны в одном месте и воронкой отогнуты внутрь, образуя отчетливые входы. Что это все значит? Аэросъёмка ответить на такой вопрос бессильна, нужны были раскопки. А раскопки показали, что где-то около 2300 до н. э., в то время, когда великие пирамиды уже стояли в Гизе во всей красе, здесь, в итальянской провинции Апулия, началось преобразование природы. Нет, в этих словах нет ни малейшего преувеличения — земледельцы (найжены серпы из обсидиана, добытого из местных итальянских источников) и скотоводы начали войну с болотами, которая завершается в Италии только в наши дни. Прекрасная Италия открыток с лазурным небом отвоевывала жизнь у страшных малярийных болот добрых 4000 лет, и начали эту борьбу колонисты на Тавольере. Ее продолжали этруски. Когда легионы Цезаря уходили в Галлию, они уже в одном дне пути от Рима пересекали границу возделанной земли, отбитой у болот. Пятна плодородных полей медленно расширялись, сливались, но и тогда, когда юный Микеланджело учился ваянию во Флоренции, в нескольких десятках километров от прекрасного города начинались болота, в которых — бывало — тонули целые армии. Прекрасная земля Италии — депо человеческих рук, и первый шаг в будущее был сделан на Тавольере.

Колонисты выбирали плоские пригорки, чуть возвышавшиеся над болотом, и прежде всего обводили пригорок рвом, в который стекала лишняя влага. Одного рва было мало — добавляли ещё один, два... в одном месте их даже восемь! Когда земля истощалась, они переходили чуть дальше и начинали все сначала, их потомки иногда возвращались на

прежнее место, иной раз смещали рисунок кругов на сотню метров...

Но где же архитектура? Нет, ничего похожего на Кирокитию или Хасилар здесь не найдешь — в единственном месте удалось найти кусок-другой высушенной на солнце глины с оттисками плетня на поверхности. Значит, жили в легеньких хижинах, лепили и обжигали весьма изящную посуду в неглубоких открытых очагах. Нет, нового в архитектуре жилища нам здесь не найти. Но на Тавольере видно другое — рождение архитектуры ландшафта. Здесь был начат процесс медленного, упорного преобразования природы всей Европы, исключая высокие горы. Колонисты на Тавольере не просто делали хозяйственную посуду, они работали над ее формой, а потом и рисунком, значит, они придавали значение форме. Они не просто проводили рвы, но придавали им форму концентрических кругов — значит, они придавали значение пространственной форме. Они не устраивали вход где попало, а ориентировали все входы на восток или запад, т.е. на восходящее или заходящее солнце. Значит, они связывали форму своего поселения с формой мироздания. Да, их хижины были примитивны, но примитивными людьми они не были. Я дважды употребил слово «колонисты», но ведь колонисты прежде, чем прийти на новое место, откуда-то вышли, забрав с собой минимум добра, но все знания, которыми овладели на родине. А где их родина? Точно мы не знаем, но если взглянуть на карту Европы, помещенную рядом, то увидим, что Италия оказывается как раз посередине между двумя широкими стрелами, указывающими направление двух волн земледельческой колонизации Европы.

Одна ведет из Малой Азии на Балканы и оттуда на северо-запад по Дунаю и Рейну, с ответвлениями по пути к Днестру и Висле. С ней мы ещё встретимся позже. Другая, начавшись в Нижнем Египте задолго до того, как первый фараон объединил страну (с ним мы тоже ещё встретимся), прокатилась вдоль побережья северной Африки и откуда-то из Туниса или Алжира одним броском преодолела море и начала подниматься вверх по долине Роны к Англии. Скорее, всего, колонисты Тавольере принадлежали всё же к этой второй волне, задевшей по дороге Сицилию, Море есть море, а переселение это переселение — на бревне его не осуществишь. Ручаться трудно, но весьма вероятно, что западная ветвь колонизации Европы это медленное движение флота, состоявшего из прадавних предков «Ра» и «Тигрису» — тех папирусных судов, на которых Тур Хейердал совершил свои экспериментальные плавания. Эта догадка не висит в воздухе, у нее немало косвенных подтверждений. На самых давних черепках, найденных в Египте, видны папирусные корабли месопотамского типа. Такие же корабли вырезаны на ручке кинжала (лезвие — из обсидиана, а ручка — из слоновой кости), которым владел один из предков первого фараона. Тростниковые лодки по сей день делают на острове Сардиния, а он на пути наших героев; ещё 20 лет назад

их вязали в Марокко, а Марокко — страна, у которой наша стрела повернула на север.

Доплыв до места назначения, колонисты должны были забыть этот вид кораблестроения (на севере не было подходящего материала) — и со временем изобрели новый...

Зачем нам это отступление? Затем, что люди, умевшие плести корзины и циновки, ковры и плетни, были способны на большее, чем хижины из обмазанных глиной плетней, но почти все их силы на новом месте поглощала борьба с природой. Затем, что иначе нам было бы непонятно, почему эти люди, которые на Тавольере довольствовались простейшими хижинами, оказались в других условиях способны на фантастическую изобретательность; о ней разговор ещё впереди.

Но сначала ещё одно, до недавнего времени незамеченное изобретение, которое нужно расшифровать, чтобы как следует оценить.

В Англии есть место под названием Уиндмилл-Хилл. Из названия следует, что тут стояла когда-то ветряная мельница, а ветряные мельницы где подало не ставили: пологий холм господствует над всей округой. В двадцатые годы холм раскопали, и обнажилась сложная система валов и рвов, на первый взгляд очень похожая на овалы Тавольере. Но сходство формы не всегда означает сходство содержимого. Маленькие круги на рисунке (между центральным и вторым кольцами) не относятся к теме — это курганы, насыпанные совсем другим народом несколькими веками позже. Важна другая деталь; круги, образованные рвами и валами по их краю, не

сплошные, а пунктирные, разорванные в десятках мест. Это не осушительные каналы, здесь и тогда, 5000 лет назад, было умеренно сухо. Это, тем более, не оборонительная преграда — слишком много «ворот». Уиндмилл-Хилл это и не погребальное сооружение и, как выяснилось в ходе тщательнейших исследований, даже и не постоянное поселение.

Назначение Уиндмилл-Хилла удалось выяснить до конца только после того, как обследовали всю округу и нашли несколько десятков гораздо меньших (здесь большой круг имеет около 300 м в диаметре) поселений со следами длительного пребывания. Теперь можно считать доказанным, что Уиндмилл-Хилл это своего рода фестивальный центр для множества деревушек, населённых древними скотоводами. Нет, они не кочевники. Живя по деревням, первые колонисты на английской земле перегоняли стада с места на место, но к зиме им было необходимо забить «лишний» скот, для которого не хватило бы корма. И тогда они со всех сторон стекались к Уиндмилл-Хиллу, где устраивался праздник с неведомыми нам религиозными церемониями. Люди и животные сходились по утоптаным поколениями полевым дорогам к десяткам «ворот» и, вполне возможно, толпа расслаивалась: женщины и дети оставались в пределах внешнего круга, мужчины проходили в средний, а в центре священнодействовали жрецы или старейшины, игравшие роль жрецов.

Животноводы Уиндмилл-Хипла пользовались простой и удобной керамической посудой, точно такой же, как на месте будущих Франции и Швейцарии. Они были первоклассными шахтерами, прорубавшими толщу

плотного мела вниз, а потом прокладывая галереи, чтобы выбирать необходимый кремь. Об этой неолитической индустрии писал незадолго до гибели Помпеи великий историк Плиний: «Мел они добывают из шахт, сверху расширяющихся книзу, достигающих порой ста футов в глубину». Но он писал о британцах, достававших уже не кремь, а сам по себе мел — они использовали его для того, чтобы сделать плодороднее чрезмерно кислые почвы, орудуя бронзовой киркой. У индмиллхильцев металла ещё не было, но всаженный в крепкую палку рог оленя был, оказывается, вполне пригодным к делу инструментом.

Этот роговой инструмент назван здесь не случайно: он служит лишним подтверждением тому, что потомки переселенцев из Африки, пятнадцать поколений ранее ступившие на землю острова, мирно смешались с давно обосновавшимися там охотниками на оленей и переняли у них и инструменты, и умение добывать кремь из-под толщи мела.

Но особенно интересно нам то, что хотя скотоводы Уиндмилл-Хилла жили в ничем не примечательных хижинах, они являются создателями, может быть, самой первой в мире групповой системы расселения. Эта система — прообраз нашей, современной: деревни и посёлки, от которых дороги сходятся к единому торговому, и культурному, и производственному центру. Здесь нет города, и это не градостроительство, но это его основа — организованная и очень устойчивая система расселения (сегодняшние английские фермы и деревни стоят на тех же местах, что и 5000 лет назад). В «доисторической» Англии тоже умели изобретать.

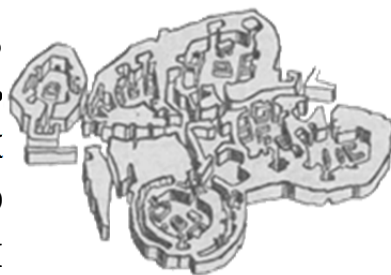
Но самое неожиданное открытие было сделано не здесь, а в 1000 км севернее. Севернее английских равнин и гор Шотландии — на Оркнейских островах.

Помог шторм. Штормы обрушиваются на западный берег главного из Оркнейских островов с таким постоянством, что к ним привыкли и немногочисленные люди, и немногочисленные овцы. Но декабрьский шторм 1925 г. удивил даже привычных оркнейцев. Он натворил немало бед, но как бы в благодарность за долготерпение... сделал открытие — и в переносном, и в прямом смысле. Ветер нередко засыпает селения, но на этот раз, сорвав многометровую толщу песка, он открыл его. Судя по тому, как много сохранилось в толще дюны, такой же удар ветра засыпал Скара Бра — так называется место — много веков назад. Когда именно, сначала никто не мог назвать, назывались разные даты, и только в 1937 г., когда неподалеку обнаружили ещё одно селение, где среди прочего нашлись черепки, уже хорошо известные ученым по иным местам, стало ясно: в Скара Бра жили никак не позже 1800 г. до н. э.

Любопытно, что Скара Бра представляет собой как бы дважды закопанное селенье. Когда археологи появились на месте, из земли, кое-где на два с лишним метра, торчали каменные стены. Сразу стало ясно, что это плотная группа из семи домов, сгруппировавшихся по обе стороны узкого, извилистого прохода. Дальше начались сюрпризы. Когда выбирали песок внутри домов, показались какие-то ниши правильной формы. Когда же пытались очистить наружные стены, обнаружилось, что они доверху были прикрыты грудой окаменевшего мусора. Расчистка же центрального коридора показала, что и он был

перекрыт каменными плитами, поверх которых тоже был насыпан мусор.

Стало понятно, что построив дома, обитатели Скара Бра старались получше защититься от лютых зимних ветров и постепенно засыпали наружные стены кучами мусора. Кучи росли, их верх достиг уровня крыш, и тогда жители Скара Бра накрыли центральный проулочек плитами и вновь продолжали насыпать мусор, пока все вместе не стало снаружи напоминать холмик. Лишь дым, выходящий из семи отверстий, защищенных плитами, поставленными на ребро (настоящие каминные), мог выдать наличие жилья внутри. Потолки домов были по всей видимости сооружены из китовых ребер — на Оркнеях никогда не было деревьев, но самое интересное для исследователей началось, когда они добрались до пола. Дело в том, что в отличие от всех других поселений (разве что следует добавить Помпею, Геркуланум и Теру [11] — город на острове Санторин, тоже засыпанный вулканическим пеплом) здесь не только сохранились дома на всю высоту, но полностью сохранилась обстановка — по той простой причине, что все, решительно все было сделано из камня.

На Оркнеях не было дерева, но был сланец, довольно легко раскалывающийся на плиты желаемой толщины, и вот в Скара Бра все, что в других местах делали из досок, соорудили из камней.

Тени прошлого здесь не расплывчаты, как в других местах. Они настолько четки, что мы с полной уверенностью можем восстановить минувшее. Итак, подводя с юга (конечно же, вход следовало сделать на

юг, чтобы внутрь не врывался полярный ветер), мы увидели бы только низкий курган. Однако тропа подвела бы нас на мощеный дворик, с которого сквозь узкую дверь мы бы проникли вглубь.

Войдя — согнувшись, ибо коридор низковат, — в любую из тесных дверей, открытых в коридор, мы оказались бы в комнатке площадью 12—15 м², освещенной через отверстие наверху и отсвет очага в центре. Слева и справа оказались бы каменные ящики, размер которых весьма знаком: ящик побольше около 90 см шириной и почти 2 м длиной. Это кровати и довольно мягкие, так как каменный ящик был наполнен уложенными стопкой шкурами. Над кроватями в стене — ниши, полочки, куда так удобно положить книгу, если бы книги уже были написаны. Впрочем, написаны они уже были, но слишком далеко отсюда — в Двуречье, в Египте...

Против входа, за очагом стоял бы (он и сейчас стоит) «буфет», из двух полок, опирающихся на столбики. На полках заметны легкие потертости — сюда ставили глиняную посуду. В самом полу, тоже, естественно, из плоских камней, были выложены ящики, тщательно обмазанные глиной внутри. Один по крайней мере служил для хранения воды, в другом, возможно, хранились стебли и семена трав, сушеные ягоды и прочие припасы.

Кроме входной двери, из комнаты вели ещё две узкие дверки: одна — в кладовую, устроенную в толще стены; другая — в туалет, на что вне всякого сомнения указывает выведенная наружу «труба», тоже, разумеется, сложенная из плоских камней, обмазанных глиной.

Короче говоря, перед нами настоящий многоквартирный дом коридорного типа. Этого никто не ожидал. В самом деле, ну чем Скара Бра так уж разительно отличается от маленькой полярной станции наших дней? Отсутствием радио — все остальное вполне сопоставимо. Да, кстати, жители минипоселка ценили покой своих однокомнатных квартир не меньше, чем мы. В каменных «косяках» дверей, выводящих в коридор, есть характерные углубления, не оставляющие никаких сомнений: одна деревянная вещь здесь всё же была. Ее можно было соорудить только из драгоценных древесных стволов, иногда выбрасываемых прибоем на плоский берег. Эта вещь — дверь, закрывавшаяся на засов.

Майданицкое поле

Нет, это не то поселение трипольцев, которое лежит у нынешнего села Майданицкого: нет никакой возможности поместить Майданицкое на рисунке, оно слишком велико и для правильного изображения требует карты. Но то, что мы видим на рисунке, действительно открывалось из окна на верхнем чердачном этаже любого из десятка селений в окрестностях.

Ясно, что это окно в мастерской гончара, все предметы, расставленные на подоконнике для раскраски подлинные: и ваза с текучим спиральным орнаментом - сотни подобных глиняных сосудов собраны в наших музеях; и повозка - маленький фургон на двух массивных колесах, сбитых из нескольких толстых досок. И модель жилища такая, какие находили и в Румынии, и на Украине. На точно такой модели сохранилась фигурка женщины, размалывающей муку на каменной меленке. Другие фигурки добавлены мной, но и полка с

горшками у задней стенки, и печь у передней, и странной формы стол (скорее всего, правы те ученые, которые считают его алтарем) срисованы точно.

При этом важно понять, что повозочка - это игрушка, а модель - нет. Она как-то связана с не до конца нам понятными верованиями трипольцев. Не случайно и то, что на модели круглый дом, а жили трипольцы в больших прямоугольных, какие видны из нашего окна. Значит, модель - это память о тех домах, какие трипольцы строили раньше, в других местах.

Поле, что внутри овального селения, по всей видимости, священное поле (основные поля далеко за околлицей - заметьте, старое слово "околица"[12] хранит память о когда-то круглых славянских селах), и дуб в его центре - священный дуб.

Это на самом деле поле, очень большое, засаженное картофелем и сахарной свеклой. Мимо него, частью через него, проходит шоссе, ведущее из Киева на Умань. Не совсем простое поле - через каждые два шага можно нагнуться и подобрать тонкий черепок со следами рисунка или осколок обожженной глины. С конца прошлого века здесь начали находить маленькие фигурки из глины и кости. Почему не раньше? А потому, что только к этому времени вместо царапаншей землю соки крестьяне стали пользоваться плугом, лемех которого врежется в чернозем глубже. Но черепки в полях на Украине не редкость.

Неожиданности начались только недавно, лет 15

назад, когда аэроснимки поля у села Майданицкого попались на глаза историку - на земле проступили уже знакомые нам концентрические овалы. Только вот размеры их поначалу показались просто невероятными: длинная ось большого овала имеет в длину ни много ни мало 1800 метров...

Археологи приехали ранней весной, когда снег уже стоял. Поле как одеяло покрывает пологий холм, и с дороги невооруженным глазом можно было увидеть явные тени построек - чуть более светлые размытые полосы. Почему их никто не замечал раньше! - Помните стишок об изощренном взгляде? Смотреть и видеть - разные вещи. Одна из авиалиний на юге США с 30-х годов проходит прямо над гигантскими земляными сооружениями [13], но заметили их только в конце 40-х...

Прежде, чем начать раскопки, ученые целых два года таскали по полю тяжеленную аппаратуру: у обожженной глины иное магнитное сопротивление, чем у почвы, поэтому в конце концов удалось нанести на карту каждую площадку с ошибкой не более 10 см. Дальше началось самое трудное. Копать здесь легко - чернозем. Но чернозем подобен слабому раствору кислоты и поэтому за долгие столетия он "съел" все, кроме жженой глины. И всё же на срезе траншеи, при особом положении солнца, в его косых лучах можно увидеть чуть более серый, чем общий фон, вертикальный пласт. Это стена, вернее тень стены, когда-то уложенной из мятой глины с соломой. Любопытно, что фотоаппарат не улавливает того, что - правда с напряжением, - видит глаз. Только очень тонкий химический анализ способен подтвердить работу зрения.

Теперь вспомним столь почитавшийся Шерлоком Холмсом дедуктивный метод и начнем шаг за шагом восстанавливать прошлое. Итак, аэросъёмка выявила в общих чертах, а магнитная съёмка уточнила характер рисунка: огромный овал, внутри него другой, отстоящий от первого метров на 70; в одном из "фокусов" этого внутреннего овала плотное ядро метров 250 в поперечнике. Это первая улика.

Все - и овалы, и ядро - не сплошные линии (как кажется с воздуха), а пунктирные, составленные из прямоугольных площадок разной площади - и в 600, и даже в 1000 м². Расстояния между площадками составляют 50 - 70 м. Это вторая улика. Каждая из площадок, выявленных магнитометром, это два-три слоя обожженной глины в кусках, лежащие между "тенями" толстых стен. При этом на кусках нижнего слоя изредка попадаются отпечатки, напоминающие следы копыт, на кусках среднего - отпечатки полукруглых бревен - плах потолще (до 20 см в диаметре), на кусках верхнего - плашек потоньше (от 7 до 10 см). Между слоями жженой глины изредка попадаются черепки и разные орудия труда: топоры, скребки, долота, рыболовные крючки, веретена - все из камня. Это улика номер три.

Да, ещё одно: общее число площадок приближается к двум тысячам - 2000!

Неправда ли, кое-что по этим уликам можно вычислить, тем более, если добавить, что расстояние между "тенями" толстых стен колеблется между четырьмя и шестью метрами. Не нужно быть гением криминалистики, чтобы поняты люди жили в двухэтажных домах или, по крайней мере, в одноэтажных, но с используемым чердаком, ведь

верхнее перекрытие тоньше и легче нижнего. Если внизу есть отпечатки копыт коров и свиней, то значит первый этаж служил хлевом. Если площадок так много, то и людей на Майданицком поле было очень много. Сколько?

Можно прикинуть. Если средняя площадь дома - метров 600, то даже если две трети этой площади не было занято жилыми помещениями, все равно останется около 200 м². Вряд ли обитатели Майданицкого могли позволить себе большую норму жилой площади, чем мы с вами: 10-12 м² на душу. Значит, в среднем доме должно было проживать около 20 человек, а если перемножить 20 на 1000, считая, что не все дома были обжиты одновременно, меньше 20 тыс. жителей не получится.

Но ведь это численность сегодняшних районных центров, это в несколько раз больше многих средневековых городов Европы и близко к крупному городу классической Греции.

И главное: неопровержимые свидетельства (тип керамики, типы инструментов) говорят о том, что Майданицкое относится к так называемой Трипольской культуре, возникшей где-то около 3000 г. и угасшей не позже 2000 г. до н.э. Подобного соединения чисел: III тысячелетие до нашей эры и население около 20 тыс. человек - не ожидал встретить никто.

Но продолжим расследование. Перекрытие было из дубовых плах, обмазанных глиной (найлены следы побелки и покраски) - и для чистоты, и для защиты от пожара. Посчитаем немного: 600 м² это для простоты прямоугольник 30х20 (пять прижавшихся друг к другу

длинных помещений шестиметровой ширины и длиной 20 м). Если рядом укладывать плахи диаметром 20 см и длиной 6 м, то на каждый погонный метр стены придется пять плах или два с половиной бревна (их раскалывали пополам с помощью каменных долот). Следовательно, на один лишь дом придется: $2,5 \times 5 \times 20 = 250$ шестиметровых бревен. Если добавить к ним более тонкие жерди перекрытия над вторым жилым этажом, - на них, наверное, пошли тонкие концы стволов, - получится 250 деревьев на дом, А домов - около 2000. Значит, $250 \times 2000 = 500000$ деревьев.

Если учесть, что дубы и грабы растут довольно просторно, и на 1 га их не может быть больше 1000 стволов, то получается очевидная картина - строители Майданицкого свели полностью лес не меньше, чем с 50 га. На самом деле больше, ведь бывают и поляны. А если подсчитать площадь самого селения, то и получится что-то около 80 га. Иными словами, когда сюда пришли колонисты, здесь не было степи вовсе или по крайней мере полосы степи чередовались с густыми лесами - кстати, лес там и сейчас растет по балочкам.

Но ведь это в свою очередь означает, что нынешние колхозные поля в полном смысле слова созданы человеком 200 поколений назад. Больше того, дуб и граб растут не на черноземе, а на подзолистых почвах; площадки Майданицкого лежат под слоем чернозема на глубине примерно 80 см от поверхности. Известно также, что слой плодородной почвы нарастает при благоприятных условиях весьма неспешно: 1-1,5 см в столетие. Умножим эти полтора сантиметра на 50 веков - получится 75.

Выходит, что знаменитый чернозем украинских степей может вполне быть в известном смысле делом человеческих рук. Обитатели Майданицкого отодвинули к северу границу леса, а затем - когда они ушли, истощив удобренную золой бедную лесную почву, - начался долгий процесс самосева степных трав.

Было сказано: колонисты. Откуда они пришли? Если помните, в предыдущей главке говорилось о двух ветвях земледельческой колонизации. Но если в Англию проникла "африканская" ветвь, то сюда, на Украину - "малоазийская", давшая ответвление с Дуная на северо-восток. Подтверждений достаточно: на территории Румынии и на Днестре есть следы похожих, только меньших по размеру поселений. А здесь, в сердце Украины, аэросъёмка показала их около 300, да и то далеко не вся территория изучена. И ещё : и в Румынии и на Украине найдены глиняные модели домов той же культуры. Это очень тщательно вылепленные модели - в них не только схематически отображен тип дома; вылеплены очаг, алтарь семейного божества, горшки на полках и даже фигурка хозяйки, занятой перемалыванием зерна на каменной ручной мельнице. И на всей территории, по которой медленно двигались колонисты, найдены удивительно красивые глиняные сосуды, покрытые изысканным спиральным орнаментом (см. рис. 18.2):

Мы уже говорили о содержательности формы, о значимости каждого ее элемента. Но что означает несколько неожиданная при таких гигантских размерах форма Майданицкого? Что означает пустота внутри двойного овала? Это, разумеется, не площадь:

20 тыс. человек вполне удобно могут собраться на 1 га. Это не поле, но венком случае не главное поле - 20 тыс. человек не могут прокормиться с поля в 50 га, ведь урожайность хлеба никак не могла в те времена и в тех местах быть высокой. Это не огород - огороды явно располагались у домов, 70-метровый промежуток между овалами более чем достаточен для этой цели. И что значит плотное ядро, составленное из множества домов, довольно тесно прижавшихся друг к другу? Ответить на эти вопросы точно чет возможности, но из всех гипотез мне кажется наиболее разумной следующая.

Земли по Днестру истощились, людей становилось больше, Хлеба не хватало и вновь, в который уж раз надо было отселяться (примерно то же происходило в Греции тысячелетия спустя, только там колонии возникали за морем). Разведчики вернулись с хорошими вестями, и передовой отряд двинулся в путь, взяв с собой инструменты и запас зерна на посев и для прокорма. У нас нет доказательств - самые старые глиняные модели двухколесных повозок из курганов Калмыцкой степи относятся к 2000 г до н. э., но скорее всего груз везли на тележках вола: на плечах много не унесешь.

Колонисты выбрали сухой пологий холм, покрытый лесом - сюда не доползал холодный туман, стелющийся над речкой и долиной ручья. И первое, к чему они приступили после сооружения временных землянок, было расчистить огромное овальное поле, священное первое поле. Часть очищенных от сучьев стволов они

стаскивали в одно место, где строительный отряд немедленно приступил к работе; сжигали на месте, чтобы земля была милостивее к ним.

Хотя время от времени появлявшиеся из лесу охотники-туземцы вряд ли казались серьёзной угрозой, лучше было всё же принять на всякий случай меры предосторожности. Поэтому и возникла плотная группа домов, между, внешними стенами которых легко было поставить деревянный палисад, и тогда все превращалось в настоящую крепость. И место для "городка" выбрано со знанием дела; не среди расчищенного поля (вполне возможно, что здесь был оставлен островок леса - роща, посвященная лесным божествам, чтобы те не гневались на гибель тысяч деревьев), но и не у самого края, чтобы между краем леса и "городком" было довольно пустого пространства и никто не смог бы подкрасться неожиданно.

К тому времени, когда священное поле готово было отдать людям первый урожай, к Майданицкому приближалась вторая волна колонистов. Обосновавшись вместе со "старожилами" в укрепленном городке, новоприбывшие принялись расчищать лес во все стороны от священного поля, разбивать новые поля на участки и строить новые дома. Поле-овал следовало оставить в неприкосновенности, и потому все новые дома аккуратно выстроились по его краю. К этому времени стало ясно, что никакой угрозы нет, вполне вероятно, что туземцы частью ушли подальше, а частью присоединились к колонистам, умевшим так много делать нового и евшим тиной вкусный хлеб - если так было на территории Англии и Германии, то вполне вероятно, что так было и на Украине. Во всяком случае никаких мер обороны более не предпринималось -

всякому понятно, что защитить такое поселение нет ни малейшей возможности, ведь тонкую цепочку можно разорвать в любом месте.

А затем подтянулся третий эшелон и возник второй овал. Семьи разрастались, и тогда к одному длинному дому пристраивался другой и третий. Отвоеванные у леса поля отодвигались все дальше, но всему есть предел. Рано или поздно земля должна была истощиться, а идти или тем более гонять волов дальше, чем на 6 - 8 км, нецелесообразно.

Тогда всё повторилось - вот почему найдено так мало орудий, их забрали с собой. А затем, прежде, чем

покинуть место, где они прожили не меньше полувека, жители Майданицкого сами сожгли все дома. Мы не знаем, почему это было так важно, но сомневаться не приходится. Майданицкое не было разрушено врагом: остались бы инструменты, валялись бы везде наконечники стрел... Сами спалили все - когда археологи сделали метровую модель здешнего дома, сжечь обмазанные глиной перекрытия удалось только после того, как весь "дом" набили сухими щепками. Что было дальше? Жители подобных друг другу селений целую тысячу лет продвигались с юго-запада на северо-восток и восток, отжимая лес и оставляя после себя поле, нуждавшееся в отдыхе, и глинобитные стены, довольно быстро оплывавшие под дождем. Уже где-то около Киева (именно там село Триполье, именем которого назвали всю местную культуру) их городища смели волна кочевниково-скотоводов, двигавшихся на запад с Урала и Алтая. Однако какой-то кочевой люд появился на сцене почти сразу же после того, как из Майданицкого ушла

жизнь: когда лопаты рассекли пополам невысокий курган среди поля, можно было различить косые бледно-серые слои, легшие друг другу навстречу. Это означает, что не позднее чем через 15-20 лет насыпая курган над чьей-то могилой, пришельцы воспользовались ещё стоявшими стенами домов и, подрубив их с одной стороны, завалили внутрь, сэкономяв силы.

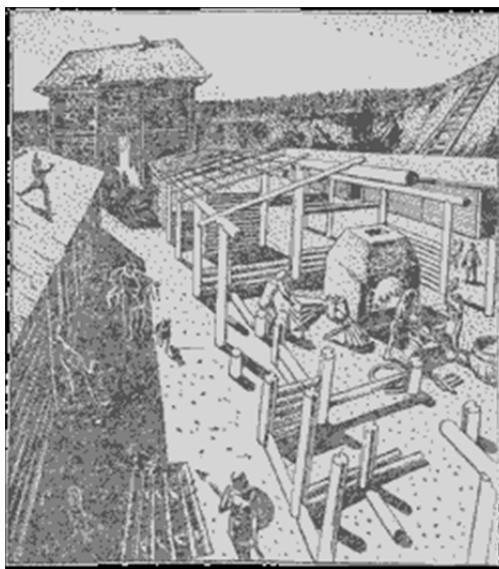
И вот на долгие тысячелетия на бывших полях паслись только стада, но остался великий памятник - вся система расселения на огромной территории. Проезжаешь села, отстоящие одно от другого на 12-15 км, и рядом, на околице, а то и под самым селом обязательно обнаружится поселение Трипольцев. Поменьше, чем Майданицкое (заметим, что большое современное село, частью сидящее на прежнем двойном овале, занимает гораздо меньшую площадь), в две, три, а то и пять концентрических кругов. От архитектуры жилищ сохранились едва заметные следы. Архитектура пейзажа сохранилась полностью, Трипольская культура, вроде бы, исчезла, но не полностью. Разбежавшиеся жители огромных селений не смогли почему-то восстановить прежний образ жизни. Кольцо распалось, и отдельные крупные семьи больше не собирались вместе, но ведь это именно они принесли подсечное земледелие на место будущего Киева, будущих Владимира и Москвы. И маленькие сельские общины существовали здесь тысячи лет, пока где-то около VI в. к ним не присоединились новые переселенцы с Карпат, те, кого потом стали называть славянами.

Двигаясь по степным равнинам на юго-восток и восток, мы могли бы ещё и ещё находить древнейшие селения земледельцев - рядом с Хорезмом и

Самаркандом. Но это не прибавило бы нам много нового. К тому же такого огромного селения, как Майданицкое (часть ученых даже готова назвать его "протогородом"), нам уже не встретить.

Поэтому мы ещё раз вернемся к судьбам западной ветви колонизации Европы - там были сделаны те изобретения, которым предстояло большое будущее. Там впервые обнаружили, что дерево - первоклассный строительный материал.

Гардарика

Гардарики, Гардарика - так норманны (они же варяги) называли Русь. Но характер древнерусских городов-городищ уходит в гораздо более глубокое прошлое.

Мы смотрим вдоль той улочки Бискупина, что вела к единственным воротам селения-крепости, но было бы ошибкой считать ее главной улочкой - все они были одинаковой ширины, все обоеими концами выходили на окружную улицу, идущую вдоль стены.

Крыша с одного типового дома "снята", чтобы

можно было заглянуть в кузницу и разглядеть устройство деревянных конструкций, в которых все бревна были связаны "в замок". Подобная конструкция и у крепостной стены, но там клетки, крепко связанные из бревен, засыпаны камнями и землей, и только по верху идёт частокол. Не думайте, что металл из руды выплавлялся в той же кузне - его извлекали вне городища, на ветряном берегу озера. Здесь металл только разогревали с помощью мехов, а стены кузницы густо обмазаны глиной, и деревянный пол тоже. Пожар был для таких селений опаснее вооруженных врагов. Бревна мостовой тоже обмазаны толстым слоем глины, только сливные решётки (почти такие же, как вдоль тротуаров наших улиц) надо было оставлять чистыми.

Внизу пока ещё болотистая земля. Только через несколько веков, когда климат изменился, городище оказалось над водой озера, которое медленно, но неуклонно наступало, в конце концов изгнав бискупинцев с давно насиженного места. Каким было навершие ворот, неизвестно - пришлось фантазировать на основании более поздних построек, но вот голуби были.

Гардарикой, страной городов называли Русь, — так утверждают скандинавские предания. На самом деле страной городов была вся северная Европа с незапамятных времен: нужно только вспомнить, что слова «город» и «огород» происходят от одного и того же — ограда, огораживать [14]. Расцвет Гардарики

начался с того момента, когда западная и восточная ветви колонизации — «африканцы» и «азиаты» — встретились, соединились и перемешались.

«Азиаты» начали двигаться на полторы или две тысячи лет раньше «африканцев», но перед ними был более длинный путь по суше и поэтому встреча произошла так, как если бы ее спланировали заранее. И те и другие прибыли на место свидания в одно и то же время — около 2700 г. до н.э., когда в Египте воздвигались великие пирамиды. Конечно же, встретились не в одной точке, сомкнулись широким фронтом, как сходятся вместе массы теплого и холодного воздуха. Но нас интересуют все точки. Одна из них — маленькая деревушка Лиденталь, в двух шагах от Кельна. Когда здесь, начались раскопки, потом прерванные второй мировой войной и вновь продолженные в 1945 г., первой из торфа показалась укрепленная валом и частоколом деревня из 35 домов. Под ней лежал тонкий слой песка, а под ним — снова деревня, построенная людьми той же самой культуры, но не имевшая никаких укреплений. Сразу же под этой деревушкой летали остатки двух длинных зданий, не имевших внутренних перегородок. Картина ясна, она весьма похожа на то, что происходило в Майданицком, только в более скромных размерах. Истощив почву, жители соседней (не найденной пока) деревушки, не покидая ещё старых домов, расчистили лес под новое поле и соорудили на нем амбары. Затем они поставили новую деревню, жили здесь несколько десятилетий; снова истощилась тонкая лесная почва, и снова они ушли. Оставаясь на месте, лидентальцы не имели соседей поблизости и укрепляться было незачем.

Минуло 100 или 200 лет, и потомки лидентальцев

вновь пришли на старое место, вновь валили лес и строились. Но за это время обстановка переменилась. Совсем рядом, в десятке километров, где теперь деревня Михельсберг, обосновались чужие, возводившие свой род к тем, кто некогда ступил на землю Европы где-то в районе будущего Марселя. Земля была огромной, но мест, пригодных для земледелия было ещё не так много, и в них становилось тесновато. В известном смысле повторяется история, уже известная нам по первым очеркам этой книги: сельская община превращается одновременно в военный лагерь.

Однако было бы ошибкой думать, что началась бесконечная война «всех против всех», которую привыкшие к войнам писатели позднего Средневековья начали трактовать едва ли не как естественное состояние. В целом соприкосновение происходило мирно, и на какое-то время явно установилось доброе соседство между колонистами, явившимися с разных сторон материка, и обитателями примитивных хижин, собирателями съедобных моллюсков, и рыбаками, которые жили тут, на берегу Северного моря, с незапамятных времен.

И вот подтверждение. У берега, на полуострове Ютландия ученым удалось обнаружить селение Баркаэр, датированное достаточно точно 2500 г. до н. э. Сначала все было обычно: прорезая толстенный слой торфа рядом с маленьким пригорком и сортируя пыльцу, читали торфяной «пирог» как книгу. В самом низу — пыльца дуба и прочих широколиственных деревьев. Выше — резко, как будто кто-то подложил тонкий лист, — все меняется: пыльца пшеницы и ячменя, микроскопические угольки от сожженного леса. Еще выше: береза, осина, ольха. Картина нам

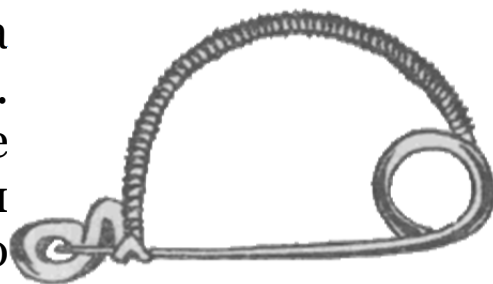
понятна. Сам холмик, как оказалось, был когда-то островком в мелком озере или болоте. Археологи ожидали открыть грубые хижины, заглубленные в землю, наткнулись же совсем на другое: из земли показалась мостовая — мощеная дорога шириной 3 м, протянувшаяся на добрых 70 м, как бы кусочек крытого булыжником шоссе. По обе стороны «шоссе» на обнажившемся светлом песке отчетливо виднелись тёмные пятна сантиметров до 30 в диаметре, расположенные на равных промежутках одно от другого. Это ямы от столбов (уголь из такой ямы позволил получить точную Дату конца Баркаэра). Еще дальше в стороны — отчетливые следы ещё одного ряда столбов. И ещё : едва-едва, но всё же уловимые следы поперечных тонких перегородок.

Оказалось, что Баркаэр — тщательно спланированный дом-поселок, состоявший из Двух одинаковых построек шестиметровой ширины, между которыми на всю длину тянулся мощный коридор. В каждом из длинных зданий по 26 одинаковых комнат длиной 6 (на всю ширину постройки) и шириной 3,6 м. При этом, однако, по тому, что очаги топились по-разному, легко было установить, что каждая семья вполне самостоятельно вела жизнь. Баркаэр — жилой дом, состоящий из 52 «однокомнатных квартир», выходящих в общий коридор. Комнаты-квартиры разделены доверху глухими перегородками из плетня, обмазанного глиной. Это не дворец, но не будем забывать; «рабочие казармы» русских текстильщиков конца прошлого века были гораздо хуже.

Но зачем в Баркаэре мощеная «улица»? Скорее всего, сюда загоняли на ночь скотину, запирая оба выхода воротами: волков в тогдашних лесах было предостаточно. В Баркаэре, как легко подсчитать,

жило 200—250 человек. По сравнению с Майданицким это ничтожно мало, но это нормальный размер для западноевропейской деревни на долгие последующие тысячелетия. Как и в Майданицком, уходя на новое место, жители Баркаэра забрали с собой всё ценное, все пригодное в хозяйстве. Только десяток затупившихся кремневых топоров (таким топором, кстати, сегодняшние ученые, отличающиеся куда меньшей опытностью, рубили дубы диаметром ствола 20 см всего за восемь минут, так что к каменным орудиям не следует относиться пренебрежительно) — больше ничего.

Зато под полом в центре была сделана замечательная находка. Это скорее всего пожертвование божеству при закладке селения и потому уже навечно принадлежавшее этому месту.

Маленький клад состоял из полусотни янтарных бусин и... двух тонких медных подвесок точно, такого типа, какой встречается в кладах Трои за 1,5 тысячи лет до Троянской войны (см. рис. 21.3).

Помните: дважды говорилось в книге, что история развивается в пространстве. Лучшего подтверждения не найдешь: здесь, на севере, в разгар каменного века знали и ценили металл. Первые металлические изделия понемногу просачивались и сюда по длинному пути от Балтийского и Северного морей, через перевалы швейцарских Альп и южные моря. Этот путь недаром называется Янтарным — навстречу драгоценному металлу переносили не менее драгоценную окаменевшую смолу, которую так ценили в Мемфисе, Уре, на берегах Инда... Путь всегда «обрастает», и нам должно быть понятно, что южнее

тоже должны быть древние селения. Зима 1853 г, была на редкость студеной и сухой, и уровень швейцарских озер понизился резко, почти на метр. В малоземельной стране решили, естественно, этим воспользоваться и отвоевать у озер несколько гектаров. Тогда-то у деревни Обермайлен, что в 10 км от Цюриха, впервые обнаружили настоящий лес из свай, вбитых в дно в полуметре одна от другой.

Нынешний археолог пришел бы в ужас от «раскопок», предпринятых сначала у Цюриха, затем на десятках другим озер: все казавшееся интересным вытаскивали и складывали в кучу, все неинтересное выбрасывали. Но это было началом. С 1857 г одинокий чудака Якоб Мессиномер начал тридцатилетнюю работу на озерке Робенхаузен, потратив предварительно все свои сбережения на покупку земельного участка. Он выяснил, что здешнее свайное селение трижды горело и дважды восстанавливалось, что среди сотен каменных орудий нашлось только два металлических топора — один медный и один бронзовый...

Уже к 1879 г. только в Швейцарии обнаружили 161 селение на сваях, затем их нашли в северной Италии, Франции, Австрии, даже далекой Шотландии, где свайные селения продолжали строить и тогда, когда Британию завоевывали римские легионы. Принцип везде один, раз найденная форма оказалась устойчивой в течение тысячелетий: 200—300 колонистов вырубали лес на берегу, стаскивали бревна к воде, обжигали их концы и, стоя в лодках, забивали в вязкое дно. Строители знали коварство илистого дна — бьющие со дна ключи нередко вымывали основания свай. Поэтому они предпринимали огромный труд: сотни, десятки тонн камня заполняли все промежутки между сваями на дне (в озере Нейшатель нашли

груженую камнями и перевернувшуюся лодку). Все дальнейшее легко представить — наибольшие хлопоты были связаны с огнем. Бревенчатый настил покрывали плотным слоем глины, глиной обмазывали бревенчатые стены домов, когда тростниковые крыши пересыхали, их поливали водой. И всё же свайные селения горели.

Из-за этих пожаров нам трудно представить себе некоторые детали сооружения свайных построек. Однако, к счастью для ученых, одно поселение дошло до нас в почти неизменном виде. Это Бискупин — в Польше.

Для свайной культуры Бискупин — позднее, очень позднее место, он построен совсем недавно (если отсчитывать от Лиденталя или Баркаэра) — в то самое время, когда легендарный царь Ромул обводил черту будущего великого города Рима, то есть около 700 г. до н.э. Уже наступил век железа, а строители Бискупина, вроде бы, повторяли все тот же ритуал: рубили лес, строили сваи... На самом деле перед нами первый укрепленный город в северной Европе, уже почти совсем город в привычном нам смысле слова. В самом деле, Бискупин занимает вполне солидный участок земли, он лишь чуть-чуть меньше Иерихона — 2,5 га. Но здесь кольцевая улочка двухметровой ширины охватывает овальную площадь, рассеченную дюжиной параллельных проулков такой же ширины. Такую планировку издавна называют регулярной — правильной. Степень этой регулярности проступает в полную силу, когда мы заметим, что весь Бискупин застроен типовыми «домами». Это как бы два десятка Баркаэров, приставленных друг к другу, только вместо булыжной мостовой — деревянная.

Итак, типовая архитектура отнюдь не новое изобретение, и типовые конструкции тоже. Бискупинцы создали вполне оригинальную конструкцию и придерживались её без отступлений; вертикальные столбы, поддерживающие крыши и стены, здесь не круглые. Сечение столба похоже на цветок из нескольких лепестков: из бревна на всю длину вытянуты клинья — их столько, сколько стен подходит к столбу. Такая конструкция гораздо прочнее — недаром плотники испокон веку говорят: «вязать бревна». Прочная конструкция позволила усложнить интерьер «квартиры» по сравнению с Баркаэром. Широкий вход с проулка ведет в жилую комнату не сразу, а через неглубокие, но очень широкие сени, в которых хранился хозяйственный инвентарь. Любопытно, что проем в сени с проулка ничем не закрыт, а из сеней в комнату ведет уже плетеная из ивняка дверь.

Когда я сказал, что Бискупин почти совсем настоящий город, для этого было одно существенное основание: в концах проулков, наряду с жилыми домами встречаются по-настоящему специализированные мастерские: литейная для бронзы, кузня с железными поковками; косторезная, где делались гребни; гончарные, ремесленники ещё составляют меньшинство — естественно, ведь ещё нет вокруг деревень, а пока нет деревень, нет и города. Но ремесленники, занятые только или преимущественно своим профессиональным делом, это уже начало города. То, что мастерские отодвинуты на края, вполне понятно (опасность пожара) и лишний раз убеждает нас в том, что построенный по четкому плану Бискупин жил по-городскому упорядоченной жизнью. Бискупин, к тому же, был по тем временам грозной

крепостью его окружала настоящая крепостная стена, в не обычный палисад по верху земляного вала. Используя тот же принцип перевязки столбов и горизонтальных бревен, бискупинцы возводили вплотную одну за другой бревенчатые клетки и засыпали их землей и валунами. Защитники легко могли ходить по толстой стене и, скорее всего, по ее внешнему краю был надстроен ещё ряд бревен, защищавших их от стрел. Надвратная башня завершала систему фортификации. Не было в то время противника, который смог бы решиться на нападение, и Бискупин жил спокойно.

Нашелся, однако, враг, с которым ничего не могла поделать воля людей. К началу VI в. до н.э. медленно, но верно, зимы становились длиннее, дождей выпадало все больше, и уровень воды в озерах и болотах начал подниматься. Сначала бискупинцы укрепили стелу пологой набережной из бревен. Вода поднималась и подмывала стену. Тогда они внутри кольцевой стены выстроили новую, меньшего диаметра (вполне возможно, что из-за неурожаев население городка медленно сокращалось). Потом настелили новую мостовую. Снова уменьшили кольцо стен, опять новая мостовая. И всё же наступил год, когда надо было уходить. Не было внезапной трагедии, но противник был неодолим. Так бывало и позже, К концу VIII в. уже нашей эры поднявшийся Каспий затопил две трети могучей до этого державы хазар на нижней Волге, а в XIII в. ещё больший подъём уровня моря вовсе лишил

хазар земли и рассеял их. Но это же увлажнение юго-востока вызвало расцвет земледелия в Туркмении, сметенного позже очередным иссушением. Баланс влаги и тепла между севером и югом подобен весам,

чаши которых медленно движутся, иногда застывают на несколько веков, потом снова приходят в движение. Когда бискупинцы покидали городок, чаша «север» шла вниз и начиналось очередное великое движение народов, но это уже совсем другая история.

Здесь же нам важно запомнить, что когда Рим был городком едва ли больше Бискупина, когда великий поэт Гесиод писал «Труды и дни» на греческом острове Эвбея, а бродячие певцы-аэды распевали недавно сочиненную «Одиссею», на севере Европы складывалась культура, которой совсем немного осталось до того, чтобы превратиться в городскую. Немного южнее, на Дунае медленной климатической катастрофы не было, и здесь, в Хальштате возник городок, жители которого бойко торговали с греческим в то время Марселем и сооружали крепостные стены и башни из высушенных на солнце глиняных кирпичей. Южнее Дуная полностью самостоятельное развитие культуры было уже решительно невозможно: слишком велико было влияние великих цивилизаций Средиземноморья.

Сыны Солнца

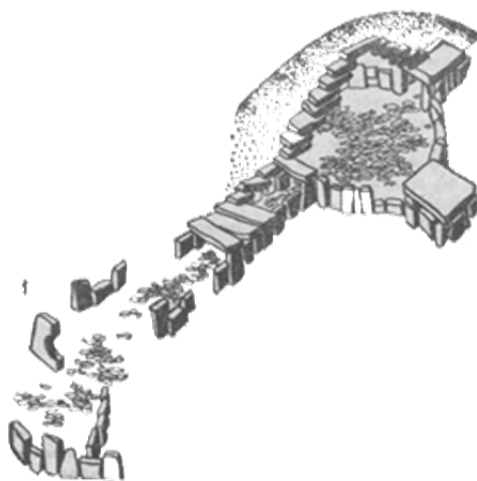
Двести поколений назад миссионеры солнечного культа и торговцы, следовавшие за ними по пятам, разнесли по побережьям Африки и Европы множество новинок. Среди них были изображения корабля или коня на которых, как считалось, солнце перевозилось ночью с запада на восток, чтобы вновь взойти утром. Среди них были и постройки из огромных камней-мegalитов: могильники прежде всего. Впрочем, название "мegalитические постройки" не из самых удачных. Дело в том, что на юге - на африканском берегу, на Мальте, в Сицилии, на Балеарских островах такие же по характеру сооружения возводились из небольших камней.

На рисунке одно из ущелий северной части Кавказского побережья, километрах в пяти от берега моря. Но можно было бы нарисовать ущелье в сердце Кавказа - в Кобыстане или берег острова Джерси в проливе Ла-Манш, или французский полуостров Бретань. Дольмены, почти во всем подобные тому, что на рисунке (различия столь тонки, что важны только для специалистов), можно найти везде, где недалеко море. Не великаны и не космические пришельцы притаскивали издалека, отесывали и устанавливали глыбы в десятки тонн весом так, что на самом деле трудно засунуть в шов лезвие ножа.

Поскольку дольмены встречаются везде и изображения кораблей, перевозящих солнце (диск над центром корабля на нашем рисунке), встречаются тоже везде, я позволил себе

"переселить" этот гравированный на скале рисунок из южной Швеции на Кавказ, это, мне кажется, самый красивый корабль, и люди с боевыми топориками видны ясно. Спираль - тоже знак солнца.

...Их не надо было открывать. Они всегда стояли на своих местах. Шли века, менялись народы на исторической сцене, а они все так же возвышались над землей. Речь идёт , разумеется, о каменных сооружениях, которыми буквально усеяны побережья омывающих Европу морей. Всегда было известно, что под камнями мог скрываться клад - кладоискатели занимались своим делом так упорно, что до наших дней сохранилось немного ценностей. Еще бы, разрешение на поиск кладов в старых каменных пустошах давали французские и английские короли и до Столетней войны, и после нее. Король готв Теодорих издавал декреты о конфискации находок: все, что в земле, должно было принадлежать королю.

Громадные камни, установленные неведомой рукой в таинственном порядке, возбуждали фантазию, и многие из заколдованных замков, в которых Рыцари Круглого Стола переживали приключения, леденившие душу слушателей, несомненно достроены воображением рассказчиков над каменными глыбами южной Англии и полуострова Бретань. Герой англосаксонского эпоса "Беовульф" пережил подобные

приключения ещё раньше, не позже IX в. нашей эры: "...Под поседевшим камнем, под курганом глядел он на труды гигантов: нерушимо стояла эта вечная пещера, и каменные своды опирались на толстые могучие столбы".

Как все чаще обнаруживают ученые, древние эпосы весьма точны. Описание соответствует действительности: не все каменные "замки" стояли на поверхности. Многие были засыпаны высокими земляными насыпями, как, например, Нью Грандж - неподалеку от Дублина, в Ирландии. Свод (образованный сдвинутыми к центру рядами камней - все тот же "ложный свод", каким перекрыты гробницы царей в Микенах, найденные великим мечтателем Шлиманом) обрушился под тяжестью земли ещё в римские времена - в яме нашли две монетки, брошенные туда легионерами. Но когда-то свод достигал 6 м в высоту, от центрального зала отходили ещё три меньших, а внутрь вела низкая галерея 20-метровой длины.

Но есть здесь ещё кое-что: все камни - и те, что образовали стены галереи, и тот, что служил балкой над входом, - покрыты гравированными на каменной поверхности рисунками. Это бесконечные спирали, ряды спиралей, петли, треугольники со скругленными углами. Но среди этого буйства геометрии встречаются кое-где изображения людей с топориками в руке и... кораблей. Исторiku непременно надо быть географом, чтобы разобраться в собственной науке. Когда все или почти все сооружения были зарисованы, сфотографированы, обмерены, когда их расклассифицировали по группам: менгиры (одинокое вертикальные глыбы в 5, 10 м, а то и выше), кромлехи (круги, составленные из менгиров),

дольмены (огромные ящики, составленные из каменных плит), - проступила одна закономерность[15].

Да, мы не назвали ещё четвертую группу, к которой принадлежит Нью Грандж, - подкурганные склепы и склепы, вырубленные в мягкой скале...

Закономерность же заключалась в том, что в почти одинаковых сооружениях, разделенных нередко сотнями километров, были когда-то похоронены люди, принадлежавшие к разным народам, пользовавшиеся разной посудой, оружием, инструментами. Такого разнообразия не могло бы быть, если бы менгиры, дольмены, кромлехи, склепы сооружал какой-то неведомый нам народ. Народ оставил бы свой "почерк", но его-то и не обнаружили - были только похожие сооружения.

Не правда ли, сама собой напрашивается аналогия: когда христианские миссионеры разносили по свету новую религию, они везде воздвигали один тип сооружения - церковь. Так же поступали мусульмане - мечеть; буддисты - буддийский храм. Миссионеры использовали местный материал и привычные для туземцев строительные приёмы, но также поступали и носители солнечного культа. На островах Средиземного моря все сооружалось из небольших камней, а на скалистых берегах севера - из гигантских камней - мегалитов, что на излюбленном учеными греческом и означает "большие камни".

Укрепив свои географические познания, ученые выяснили, что мегалитические сооружения расположены отнюдь не случайно. Они довольно узким поясом окружают Средиземное море, их много

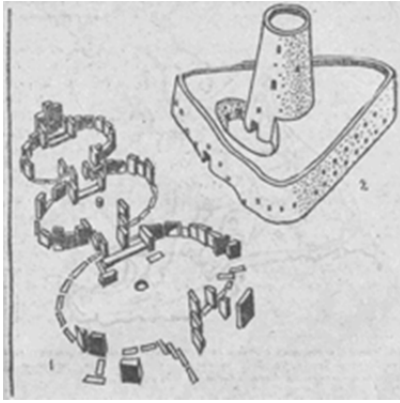
на его островах - Мальте, Липарийских, Бапеарских. Их немало на берегу Черного моря (и на Северном Кавказе, где, правда, дольмены мельчают: чем дальше от моря, тем они "миниатюрнее"). Этих сооружений много в Испании и Португалии, во Франции - особенно в Бретани (полуостров, который никак нельзя миновать, пересекая Бискайский залив при движении с юга), в Англии... Постепенно выяснилось, что было как минимум три "строительные школы", три религиозные секты. На карте видно, как одна из них (любители входа в виде "замочной скважины", прорезанной в каменной плите спереди) прошла через всю Францию и северную Германию и вышла в Швецию. Другая прошла вдоль Пиренеев к Бретани и переправилась в южную Англию и ту часть Ирландии, что обращена к Англии. Наконец, третья обогнула Испанию и Португалию, а затем напрямик через море дошла до западной Ирландии и вокруг Шотландии - в Данию и Швецию[*****]. Это как-то мало похоже на недавно ещё казавшийся очевидным образ "доисторического" прошлого, в котором племенам полагалось сидеть на месте и ничего не знать о большом мире. Но так всегда и бывает: прошлое остается неизменным, но наше знание о нем меняется с каждым поколением ученых.

Итак, через море протянуты несколько цепочек, у которых должен быть единый центр на юго-востоке (если относительно Западной Европы), на юге (относительно Кавказа) и на западе (относительно Индии). Таким центром может быть только Месопотамия или Египет. Скорее Египет. Помните, на камнях Нью Грандж были изображения кораблей? Достаточно взглянуть на рисунки, чтобы сразу увидеть подобие: не только на скалах Швеции, но и в горах

Северного Кавказа (где вряд ли видели корабль) и даже на Урале корабль перевозится Солнцем.

Египтяне нимало не сомневались в том, что ночью зашедшее на западе Солнце перевозится кораблем, чтобы оно снова могло взойти на востоке. Вполне возможно, что эту веру начали разносить по морю ещё до того, как фараон верхнего Египта завоевал Нижний Египет. Или это произошло во время завоевания (мы ещё поговорим о нем). Тур Хейердал безусловно доказал, что ещё не деревянные, а папирусные корабли египтян обладали великолепными мореходными качествами. Почему все-таки миссионеры солнечного культа отправились за тридевять земель обращать в новую веру неведомые народы? Этого мы не знаем и, скорее всего, не узнаем - письменности ещё не было или почти не было в то время. Но остается уже никем сегодня неоспариваемый факт; они это сделали.

Но ведь если новая вера требовала сооружать для умерших огромные гробницы, миссионеры должны были развезти по морям и принципы их сооружения. И когда в Египте строили первые пирамиды, на Мальте и в Сицилии начали сооружать нечто подобное, Разве курган, где бы он ни был насыпан, не означает того же, что и пирамида? К тому же курган не насыпан просто на земле, он прикрывает сооружение, более сложное или простое, но сооружение. А разве нет параллели между ранними египетскими гробницами "мастаба", сложенными из необожженного кирпича, и дольменами, сложенными из каменных глыб?

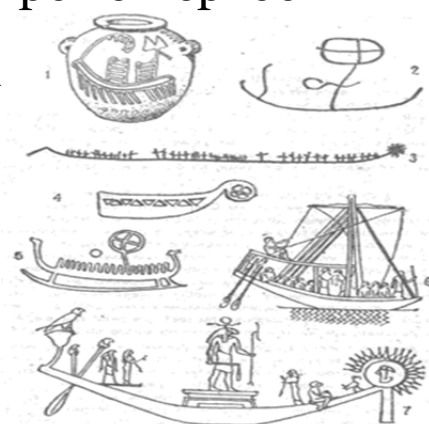
Оказывается, мир был огромен, но всё же един, и умение обращаться с глыбами камня, как если бы те были обычными камнями, понимание безмерной важности огромной работы были восприняты множеством народов от мужественных странников далекого III тысячелетия до нашей эры. Нередко культ мертвых понимают упрощенно, но нельзя забывать, что для людей того времени смерть как таковая не существовала, она означала просто переход от одной, хрупкой, земной жизни, и другой - вечной. Тысячи людей работали в поте лица, передвигая каменные глыбы, водружая их одну на другую, наваливая горы земли, ради жизни, не ради смерти. Мы знаем иное, но приписывать людям далекого прошлого наши знания, наши ощущения было бы просто глупо. Они во многом походили на нас с вами, но отличались от нас в ещё большей степени.

Для того, чтобы понять, что это была за работа, нам хватит одного примера. В 1960 г. работники Сухумского музея решили вывезти из недалекого Эшери дольмен и поставить его перед своим зданием. Они выбрали самый маленький, но только двумя автомобильными кранами удалось снять каменную крышу. Поднять же ее снова и уложить в кузов мощного грузовика и двум кранам оказалось не под силу. Затем, используя мощные домкраты и краны, крышу и стены всё же перевезли. Но как ни старались монтажники развернуть каменную крышу так, чтобы высеченные когда-то в ней "гнезда" точно пришлись над "шипами" стен, добиться этого не удалось. Пришлось расширить "гнезда"..., а ведь там же, в

Эшери, есть дольмен, крыша которого весит ни много ни мало 22,5 тонны! Нет, дело не просто в мускульном усилии - крышу дольмена, перевезенного к музею, могли поднять 150 человек, не так уж много. Дело в другом. Надо было идеально синхронизировать движения множества людей. Надо было предельно точно разметить "шипы" и "пазы", а это совсем не просто на деле, даже когда пользуешься стальной "рулеткой". Наконец, непременно требовалось перенести эту разметку на другую, внешнюю сторону плиты, иначе, затащив ее на временную насыпь и двигая вперед-назад, вправо-влево, никак бы не удалось насадить крышу на стены. Насадка же была идеально точной: между стенкой "гнезда" и "шипа" не прошло бы и лезвие ножа.

Это означает только одно: тот, кто руководил работой, владел немалым строительным умением и фактически был архитектором, как бы ни назывался.

Все было ещё сложнее, поскольку кроме первобытных миссионеров, были ещё люди, способные разносить по свету новые знания: по пятам миссионеров всегда шли торговцы и в Африке, и в Азии, и в Америке. За Библией наступала очередь винтовки и "огненной воды" - водки.

Примерно то же самое происходило, когда по всему Средиземноморью распространялись греки и финикийцы; рядом с храмом Зевса или Мелькарта обязательно появлялись бронзовые мечи и амфоры с вином. Но оказывается, что подобная история случилась ещё раньше. За строителями дольменов и

кромлехов двигались бродячие торговцы, которых ученые называют "народом бейкеров" - "бейкеры" - это похожие на перевернутый колокол тонкостенные глиняные кубки, всегда, без единого исключения, сопровождавшие людей этого народа в загробную жизнь. Рядом с кубками всегда находят одну пуговицу конической формы (в холодном климате торговцы носили тяжелые плащи) и странную "дощечку" из камня с четырьмя отверстиями по углам. Наконец одно погребение раскрыло загадку. В отверстиях сохранились золотые бусины, к которым были привязаны когда-то кожаные шнурки, явно крепившиеся к кожаной же полоске - от нее осталась только бронзовая пряжка. Это специальный налокотник - щиток, защищавший руку от удара тугой тетивы лука, способного в один раз содрать с руки кожу. И ещё рядом почти всегда оказывался широкий бронзовый кинжал.

Теперь все стало на свои места. Люди бейкеров везли на север драгоценный металл, обменивая его на янтарь датских, германских и польских берегов или на чёрный янтарь Англии и Ирландии. Более чем вероятно, что бродячие торговцы развозили и рецепт приготовления пива, которое уже давно варили и в Месопотамии, и в Египте. Люди бейкеров бродили по огромной территории, простиравшейся от Шотландских островов до Сицилии, от Португалии до Австрии и Польши. Их родину искали долго и, наконец, нашли - это Испания, куда искусство металлургии пришло с Ближнего Востока. Как всякие настоящие торговцы, люди бейкеров были довольно равнодушны к религии и приспосабливались к той, которую заставляли на месте. Поскольку же они заставляли на побережье уже знакомый нам культ

Солнца, они восприняли и его и (вот, собственно, почему нам здесь так важно о них знать) на том единственном месте, где они нашли вторую родину, в южной Англии, участвовали в строительстве знаменитого Стоунхенджа. О Стоунхендже мы поговорим в следующей главке, а здесь добавим: это их могильники - те маленькие кружочки, которые мы видели на плане Уиндмилл-Хилла. Это они первыми встретили "народ боевых топориков", который двигаясь на запад от Урала, снес по дороге поселения Трипольцев, а потом постепенно перенимал навыки земледельческих народов и осел на берегах Северного моря - в Германии, Дании, Швеции.

Да, период между 2500 и 1500 гг. до н. э. был в Западной Европе весьма оживленным. Люди боевых топориков[16]

уже были солнцепоклонниками, но пройдя степи Причерноморья (см. рис. 20.1), где уже приручили коня, они, кажется, уверовали, что солнце ночью перевозится с запада на восток колесницей. Когда произошла встреча, две идеи начали сливаться в одну: и корабль, и конь стали означать солнце. И бронзовые бритвы, найденные в Скандинавии, и имеющие форму корабля (рис. 25.4) означают дневное светило; и "коньки" на крышах наших изб означают его же - с тех прадавних времен; про рисунки же на скалах и говорить нечего - они говорят сами за себя.

Оказывается, что на переломе от каменного века к бронзовому и весь бронзовый век - время мореходов. Но корабли надо было строить, а

чтобы построить корабль из дерева, надо как минимум обладать навыком строительства в дереве. В 1921 г. на самой границе между Данией и Германией был наконец найден такой корабль двадцатиметровой длины, с высокими носом и кормой и острым килем. Точно такой, какие были известны по гравированным рисункам на камнях. Этот корабль принадлежит к более позднему времени - примерно к 400 г. до н.э., когда в Греции бушевала Пелопонесская война. Это установлено твердо уже по тому, что вместе с кораблями были похоронены железные мечи, железо не могло появиться в этих широтах много раньше, радиоуглерод лишь подтвердил эту дату. Захороненный корабль был отбит у морских разбойников: вместе с ним лежали не только восемь мечей, но по полторы сотни щитов и копий с бронзовыми наконечниками. Значит, пиратская команда насчитывала не менее 150 человек.

Построить такой корабль было нешуточным делом: противостоя волнам, он должен был идти через бурное море сотни километров, и корабельщик придавал ему идеальную форму - ту, что без изменений дошла к нам через века в формах кораблей викингов, ходивших и на Сицилию, и к Новгороду, и к Киеву. Народ, который мог строить такие корабли, мог строить и замечательно сложные сооружения, его строители владели искусством композиции, хотя слова такого ещё не знали, не могли знать. Да, они умели строить и поклонялись солнцу. Значит, они должны были быть и астрономами, знать законы движения Солнца, фазы Луны, положение звезд: иначе они никогда не сумели бы пересечь Бискайский залив или идти от Шотландских островов к Скандинавии[16] . Значит, они вполне могли построить Стоунхендж.

Стоунхэндж

О Стоунхендже слышали почти все. Это не самое крупное из мегалитических сооружений, но изысканно сложная композиция из сотен огромных каменных глыб, сохранившаяся в южной Англии, вне всякого сомнения самое эффектное среди них.

Я хотел сначала нарисовать, как впрягшись в длинные канаты, вереница древних британцев тянет к месту балку или один из могучих столбов, но потом отказался от этой затеи: это представить себе легче всего. Важнее, наверное, ощутить масштаб строительной площадки, когда Стоунхэндж третий раз менял свою форму. Портал, на котором стоит часовой, уже собран, и насыпи, по которым втягивали наверх колоссальную каменную балку, почти уже убраны. Мастер, стоящий на шатких подмостях, занят тем, что обтесывает (точнее, сказать, оббивает) "зуб", который должен войти в паз на нижней стороне балки-плиты, - ее обрабатывают каменотесы на переднем плане.

Исследования 60-х годов доказали то, что многие историки архитектуры подозревали всегда: по крайней мере последний по времени этап реконструкции Стоунхенджа осуществлялся под руководством зодчего с Крита или из Микен. Из-за его плеча мы видим стройку, и это его широколезвенный кинжал, подвешенный к портупее, украшенной золотыми бляшками, был выгравирован на одном из центральных столбов как своего рода автограф.

Ряд чётрочек на заднем плане, за отдельно стоящими столбами, - это череда людей, тянущих на деревянных валках ещё одну каменную глыбу от пристани на реке Эйвон. Я охотно нарисовал бы эту сцену подробнее, но не хватает места.

Эта не самое большое из «доисторических» сооружений Европы, но самое знаменитое. Его создание долгое время приписывали друидам — полуполюгендарным жрецам древних кельтов, о которых весьма вскользь упоминают римские историки, начиная с Юлия Цезаря и кончая Тацитом. Когда английский король Яков I отправил своего придворного архитектора Иниго Джонса на равнину Сэлисбери, чтобы проверить слухи о стоявшем там «замке», тот был потрясен. Опытный зодчий, Джонс не мог сразу же не оценить работу неведомых предшественников. Чуть моложе Шекспира, Джонс бывал в южной Франции и Италии, видел могучие руины римских построек, и сомнений для него не было — это могли построить только римляне.

В самом деле, над плоской равниной [*6] стояли и лежали добрых полторы сотни огромных камней, из которых самый маленький — в рост человека. Хотя многие камни упали и вросли в землю наполовину, опытный глаз архитектора мгновенно выявил композицию из нескольких концентрических кругов. Внешний круг составляли почти пятиметровые камни, расставленные так, что промежуток между ними немногим превышал метр. С одного каменного столба на другой были перекинуты каменные балки, так что образовалось почти целое в то время кольцо. Там, где в нескольких местах балки рухнули на землю, Джонс заметил, что в них были глубокие «гнезда», а над концом столба поднимался каменный «зуб».

Пройдя кольцо и ещё одно, Джонс остановился перед эффектной сценой: пять мощных порталов выстроились подковой вокруг низкого камня, напоминавшего алтарь, при этом с обоих краев к центру «подковы» высота ворот нарастала. К счастью для науки, Джонс как любой уважающий себя архитектор, не ограничился записью впечатлений, а сделал ряд зарисовок. К счастью, потому что он был одним из последних, кто видел Стоунхендж почти в первозданном виде. В 1620 г. самый высокий портал рухнул на «алтарь»; в страшную бурную ночь 3 января 1797 г. обрушился ещё один; одна за другой падали балки внешнего кольца... памятник неведомого народа разрушался.

Постепенно исчезла из глаз прямая как стрела дорога, тянувшаяся почти на полкилометра во времена Иниго Джонса, но время ничего не могло поделать с огромным камнем, торчащим в центре этой дороги всего метрах в 70 от внешнего кольца. Камень этот с незапамятных времен имел имя — Хеле, и давным-

давно заметили, что он лежит точно на оси центральной «подковы» и ее «алтаря» и что 22 июня, в день летнего солнцестояния дневное светило поднимается почти точно из-за камня Хеле, если смотреть из центра Стоунхенджа.

Почти точно, но не совсем. И вот в 1901 г. сэру Норману Лойкеру, астроному и члену Королевской академии наук, пришло в голову подсчитать, в какое время солнце могло вставать точно над Хеле [*7] Известно, что с кодом времени земная ось совершает легкие колебания, смещающие запад и восток — оставалось углубиться в расчеты. Лойкер заключил: ось, соединяющая самый центр «алтаря» и центр Хеле, указывала на восход в период между 1900 и 1500 г до н.э. [*8] И миф о друидах, и римская легенда мгновенно отпали. Не будем тратить время на перечисление всех фантазий, какие возникали по поводу Стоунхенджа и до подсчетов Лойкера, и после (и сейчас известны две «секты» выдумщиков, из которых одна свято убеждена, что Стоунхендж — дело рук «космитов», космических пришельцев, а другая приписывает все жителям Атлантиды). Раскопки дали более интригующие результаты. Во-первых, ещё в 1920 г, выяснили, что Стоунхендж перестраивали — обнаружилось кольцо глубоких ям [*9] на пустом пространстве между уцелевшими кольцами камней. Во-вторых, через несколько лет геологи, заинтересовавшиеся тем, откуда взяты камни для строительства, обнаружили, что лишь часть глыб вырублена поблизости. Камень для алтаря, как оказалось, доставлен сюда из Мильфорд-Хейвен (почти полсотни километров в сторону), а вот голубоватые столбы двух колец вне всякого сомнения могли быть привезены только из одного места. Это

место — гряда Пресцелли в графстве Пемброкшир, в южном Уэльсе; отсюда до Стоунхенджа 250 км по прямой!

В 50-е годы раскопки возобновились под руководством замечательного археолога Стюарта Pigгота (он мудро оставил нетронутой почти половину площади Стоунхенджа — для будущих поколений ученых, которые будут располагать ещё более тонкой техникой исследований).

Теперь мы уже точно знаем, что Стоунхендж перестраивали трижды в течение 200—400 лет: не правда ли, это не слишком похоже на образ медленно развивающегося «примитивного» общества, который ещё полвека назад казался таким очевидным. Итак, первый Стоунхендж (рис. 29.1) построен где-то около 1800 г., то есть одновременно с большим дворцом в Кноссе, на Крите. Видно, что камень Хеле, сидевший в грунте уже долгие тысячелетия, прошедшие с последнего оледенения, стал опорой для композиции. Центр огромного «руга» лежит на оси солнцестояния, но ничем заметным не выделен. Сам же круг образован мощными порталами: два вертикальных блока и потолочная балка, которые выглядят так, словно великаны окружили пустую площадку, глядя на невидимую, но очень важную точку, ее центр. Вокруг каменного круга есть ещё один. Это кольцевой ров и вал, разорванные им в одном лишь месте — там, где лежит камень Хеле. Заметим, что все камни Стоунхенджа-I происходят из местных каменоломен. Второй Стоунхендж (рис. 29,2) выглядит совсем иначе, вернее, он дважды выглядел иначе, потому что лет за 20—30 строители дважды меняли замысел. Сначала они собрали круг из голубоватых камней (тех самых, из Уэльса), поставив их тесно в пары и перекрыв

каждую пару такой же балкой. Теперь казалось, что вокруг центра движется хоровод великанов, уставившихся друг другу в затылок. Почему-то эта композиция не понравилась строителям, и они разобрали порталы, аккуратно выстроив 60 вертикальных камней по кругу.

Сомнений нет, Стоунхендж-II строили люди «бейкеров», осевшие здесь плотной колонией — принадлежавшие им и только им предметы во множестве попадают во втором слое снизу. Но ведь это указывает нам на то, кто был строителями первого храма под открытым небом. Конечно же, это были те самые миссионеры солнечного культа, которые причалили к берегам острова за одно-два поколения до торговцев-путешественников [*10].

Но прошло ещё несколько поколений, и Стоунхендж перестраивается вновь (рис. 29.3). Именно теперь возникла та четырехсложная концентрическая композиция, которую зарисовывал в свой блокнот Иниго Джонс.

Архитектурный профессионализм первых стадий строительства несомненен, но строительством «третьей очереди»[*11] мог уже явно руководить только очень изощренный в своем искусстве зодчий. «Подкова» из пяти порталов нарастающей к центру высоты — это отточенная художественная идея. Включить в неё подобную по форме «подкову» из камней поменьше (иного цвета), стоящих мощным частоколом вокруг «алтаря», окружить «подкову» снаружи кольцом голубоватых столбов, а это кольцо — ещё одним кругом серых порталов, — это работа, которой бы не постыдился ни один из живших в прошлом и живущих сейчас архитекторов мира.

Вместе с окружающим земляным валом, вместе с камнем Хеле и дорогой, обтекающей его с обеих сторон, вместе с окрестным пейзажем Стоунхендж представляет собой настоящий шедевр искусства, не нуждающийся ни в каких скидках на «доисторическое происхождение».

Кто же он, великий строитель? Самое удивительное, что мы можем ответить на этот вопрос почти точно, но сначала ещё немного о самом строительстве.

Уже камни Стоунхенджа-I обработаны техникой, которой пользовались египтяне и в те времена, когда у них было множество бронзовых инструментов. Каменный блок не отесывают зубилом (сделать это с излюбленным египтянами гранитом без сверхпрочных стальных инструментов почти невозможно), а сбивают тяжелым и очень прочным молотом. Не нужно думать, что это неэффективная техника: студенты Каирского университета опробовали ее не так давно, и оказалось, что не перенапрягаясь, можно сколоть с гранита площадью в квадратный дециметр примерно 1,5 см толщины за один час. Камень Стоунхенджа много мягче гранита, и работа должна была идти довольно скоро.

Зубья и гнезда надо было притесывать точно. И вот оказалось, что хотя среди каменных молотов, вес которых колебался между 12 и 30 кг, не найдено ни крупинки бронзы или меди, строители Стоунхенджа всё же использовали металл. На глубоко ушедшем в землю конце серого камня обнаружилась слабая зеленая чёточка, и тонкий химический анализ показал: это след медного орудия. Металл можно было только привезти сюда издалека, и цена его была непомерно высока, чтобы позволить себе потерять или

забыть инструмент. Это инструмент с юга, большего мы пока сказать не можем.

Загадка уэлльских голубоватых камней прояснилась довольно быстро, когда анализ аэросъемки и пробные траншеи доказали, что прямая как стрела дорога (первым этот ее отрезок начес на карту друг Исаака Ньютона Уильям Стакли) сворачивает в полумиле к берегу реки Эйвон. Заметили также, что дорога петляет не случайно. Подобно персидским или римским шоссе, эта дорога проходит по самым пологим уклонам от берега реки до Стоунхенджа. Стало ясно, что строители избрали длинный, но выгодный путь по воде. Каменные блоки стащили к заливу Милфорд-Хейвен, провезли вдоль берега по Бристольскому заливу, вверх по Эйвону до того места, откуда камни можно было тащить по наивыгоднейшему маршруту [*12]. Где был накоплен к тому времени наибольший опыт перевозки огромных каменных блоков на большие расстояния по воде? В Египте, там за тысячу лет до Стоунхенджа гранит далекого Асуана перевозили по Нилу к Мемфису, и было это вполне заурядным делом.

И тем не менее, не египтяне строили Стоунхендж, хотя их опыт был использован архитектором. Как-то вечером 1953 г. один из участников археологической экспедиции заметил, что косой свет выделил на поверхности одного из гигантских блоков съеденные временем гравированные контуры. После всевозможных манипуляций рисунок удалось «проявить» — представьте себе, что вы пытаетесь прочесть на четвертом снизу листке тетради то, что было написано шариковой ручкой на первом, верхнем. Ошибки не было: кто-то вырезал на поверхности камня изображение медного топора (рис. 29. 4, 5) и

характерный, опознаваемый специалистами с первого взгляда контур крито-микенского кинжала!

Чужое оружие изображали всегда только в руке поверженного врага, в груди добытых в бою трофеев. Нет, перед нами очевидный «автограф». Да и время «подходит» — XVI в. до н.э. — это расцвет культуры на Крите. Мы знаем, что критские корабли бороздили все Средиземное море, что критские колонии были и на сирийском, и на сицилийском берегах, что Крит (египтяне называли его Кефтиу) был очень тесно связан с Египтом. Значит, ничего невероятного в этом нет: Стоунхендж-III мог строить архитектор из Кносса или Микен, а посредниками, которые наняли его для работы в далеком северном краю, могли быть люди «бейкеров», бывавшие в тогдашнем мире всюду.

Конечно, перед нами только косвенные свидетельства. Трудно надеяться на то, что мы когда-либо узнаем больше и прочтем, к примеру, письмо или своего рода отчёт о творческой командировке. Но даже это нельзя исключить наверное — критское линейное письмо «А» ещё не расшифровано. Пока же мы вправе дать некоторую волю фантазии. Вы помните, наверное, греческий миф о Дедале, который построил для царя Миноса Лабиринт в таинственной глубине которого жил Минотавр, убитый Тезеем с помощью Ариадны, влюбившейся в заморского героя с первого взгляда. У этого предания есть продолжение, донесенное нам великим Геродотом.

Когда неосторожный племянник Дедала Икар погиб в волнах моря, сам Дедал всё же сумел бежать от Миноса и достиг Сицилии, где построил для местного царя замечательную крепость. Разгневанный Минос отправился в погоню, безуспешно штурмовал крепость

и погиб. Критяне уплыли было домой, но страшный шторм выбросил их корабли на итальянский берег — неподалеку от того места, где ещё существовали селения Тавольере. Кажется, сварливый изобретатель в конце концов рассорился и с сицилийским владыкой и снова бежал. А что если и этот старый миф отражает забытую правду? Ведь нашел же упрямый Шлиман, над которым потешалась тогдашняя ученая Европа, и Трою, и микенские гробницы, держа в руке «Илиаду» и «Одиссею».

Мне во всяком случае хочется верить, что это Дедал строил Стоунхендж.

* * *

Европейскую часть нашего путешествия по времени и пространству будем считать законченной. Мы были не везде, видели не всё, но и пройденного не так мало. Главное же в том, что одно нам совершенно должно быть ясно — ни о какой изоляции севера от цивилизаций юга не приходится говорить по крайней мере до наступления Железного века. Почему? Потому, что медь и олово, необходимые для выплавки бронзы, были редкостью, и их перевозкой был занят огромный флот. Скорее всего, даже два флота. Один, северный, вёз английскую руду до Испании, где сгружал ее в основанном финикийцами городе Тартессе (его до сих пор не нашли, но он был на берегу Гвадалквивира, где-то между Севильей и Кордовой). Другой, южный, забирал груз из Тартесса и переправлял его на восток — монополистами здесь были долго финикийцы, затем жители богатого Карфагена.

Когда же тайна выплавки железа, которую безуспешно

старались сохранить на востоке, вырвалась из-под контроля, огромный европейский «рынок» не сразу, но решительно перестроился. Железная руда была повсюду: помните Бискупинские кузни? Устойчивые раньше морские связи рвались одна за другой, и северная Европа на долгие века почти совсем утратила связь с югом.

Понятно, что прогресс замедлился на севере — в иных местах даже забывали постепенно то, что умели раньше. Ясно поэтому, что подлинное рождение зодчества, — тот миг, когда мы узнаем архитектора не только по трудам, но и по имени, — могло осуществиться только там, на юге. Мы и вернемся туда, на полных 6 тыс. километров пути от Лондона до Суэца, на полную тысячу лет назад — от Стоунхенджа.

Палетта Нармера

Изображение самой палетты (каменной дощечки) вы найдете ниже. Здесь я решил изобразить процесс перевозки каменного блока для гробницы фараона, объединившего Верхнее и Нижнее царства в одно - Египет,

Естественно (для того времени), что гробница строилась при жизни - ее и трактовали как дом для вечной жизни. Поэтому-то священный сокол на камне сжимает в когтях знак "ангх" - знак жизни, всего живого.

Признаюсь, я несколько схитрил: окончательная отделка тонкого барельефа осуществлялась уже после установки каменного блока на место - для этой установки внизу оставлены каменные выступы, за которые цепляли канат. Но не сделать это означало бы лишиться одного из, пожалуй, самых изящных изображений в искусстве древнейшего Египта.

Преодолевая спокойное течение Нила, корабль идёт к пристани, являющейся на самом деле первым из серии храмов Западного берега. Видно, как от этого храма-пристани крытый каменный коридор уходит далеко влево и вверх: к месту, которое потом назовут Гизе, где возникнут позже великие пирамиды. За кормой остался Мемфис - только что основанная Нармером новая столица. Я не пытался его нарисовать, потому что это было бы чистой фантазией - от этого Мемфиса не осталось решительно ничего.

Корабль сделан из пучков папируса. Нарисовать его помог чертеж из книги Тура Хейердала, изучившего египетские корабли лучше всех. Мачта, похожая на букву А, не вошла в "кадр", но и ее, и квадратный парус со знаком солнечного диска "Ра" можно разглядеть на встречном корабле.

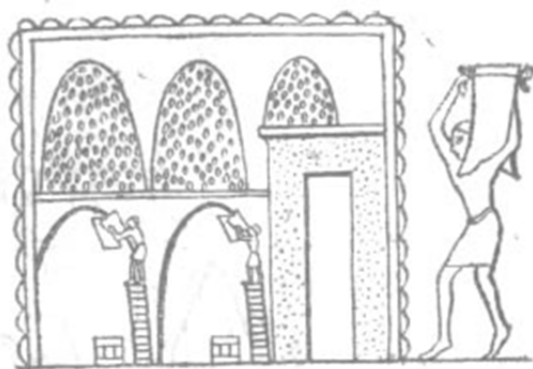
Мы уже говорили о том, что земледелие никак не могло начаться ни в Двуречье, ни в Дельте Нила — до конца VII тысячелетия здесь простирались непроходимые болота, гиблые места. И всё же городская культура могла возникнуть здесь и более нигде.

Для того, чтобы городская цивилизация могла возникнуть и, возникнув, закрепиться надолго, необходимо, чтобы население на какой-то территории достигло значительной плотности, будучи способным не только прокормить себя, но и выделить значительные средства на другие цели. В маленьких долинах Ирака и Палестины, Ирана, Турции или Греции условий для такого скачка не было до тех пор, пока не были найдены способы увеличить урожай хлебов. В малых долинах, как мы видели, могли возникнуть селения, похожие на города: Иерихон, Мерсин, Ч'атал Хюйюк, но земля этих долин не могла дать средства к существованию более чем 3—5 тыс. человек.

Иное дело Нил или междуречье Тигра и Евфрата. Ил, который приносили с гор могучие реки, был плодороден и мягок. Достаточно было чуть копнуть палкой или даже просто вдавить семена пяткой в блестящую, шоколадного цвета, поверхность подсыхающего ила, чтобы иметь хлеб, много хлеба. К тому же, главное, здесь можно было не бояться истощения почвы, которое раньше или позже сгоняло северян с недавно освоенных мест: каждый год свежий слой

плодородного ила ложился на поля.

Однако для того, чтобы устроиться на этих местах, нужно было подняться над уровнем разлива. Для того, чтобы построить не только город, но и деревню, требовалось первоначально создать искусственный холм, плоская вершина которого поднималась где на три, а где и на 12 м над уровнем полей. Ясно, что начать должны были там, где такой перепад оказывался минимальным. Со временем слой ила между искусственными холмами становился толще. Нил, от которого во все стороны расходились миленькие и большие каналы, становился все более укрощенной рекой. В результате этой гигантской совместной работы реки и людей, изучивших реку, возник тот Египет, который известен ныне географам. Он весь — рукотворная страна.

Вы помните, конечно, что границы полей ежегодно смывались бурой водой, ил надо было проводить вновь, что требовало создания геометрии — в те времена и науки, и искусства. Вы помните также, что египтяне достаточно рано научились связывать движение планет и подъём уровня реки, что создало астрономию. И ещё вы помните, что для проведения и постоянного ремонта каналов, для возведения защитных насыпей и холмов, нужна была точная организация труда множества людей, из чего в свою очередь не могла не возникнуть централизованная власть.

Все это суть условия, без которых не могло не

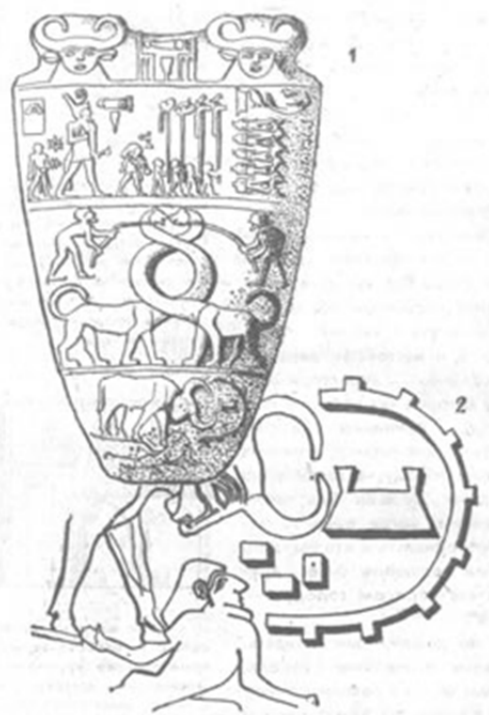
возникнуть противопоставления между городом — центром власти над территорией (первоначально это отдельные княжества — номы), и деревней — поставщиком хлеба и рабочей силы. Вот это-то и принципиально: настоящий город может возникнуть только тогда, когда есть и настоящая деревня. Они связаны нерасторжимой связью, которая склонна все разрастаться, принимая форму пирамиды: множество деревень подчинены городу, а затем рано или поздно должен был наступить момент, когда одна из таких территориальных столиц должна была подчинить себе другие и стать городом городов — столицей[*13].

До нас не дошли, так сказать, нормальные египетские города. Мы знаем хорошо сохранившиеся остатки Кануна, но Кахун — не город, а временный посёлок городского типа, поставленный ради строительства пирамиды одного из фараонов — Сезостриса III. Нам известны остатки Ахетатон [18], но это проклятая жрецами столица фараона-отступника Эхнатона, разрушенная и брошенная в пустыне. Обычные же города до нас не дошли — и потому, что строились из нестойких материалов, и потому, что они в известном смысле живы до сих пор: на них стоят сегодняшние города и деревни[19].

Дополнительная сложность состоит в том, что с очень давних времен египетские города не имели оборонительных стен. Те возводились наспех только в периоды великих смут, когда центральная власть слабела, и номы воевали друг с другом. Города не нуждались в стенах, потому что весь Египет был крепостью — на западе его охраняла бывшая ливийская степь, ставшая страшной пустыней; на севере — опасные для кораблей топкие берега моря; с юго-востока никогда не было серьёзного противника, а

вдоль северо-восточной границы (там, где прорыт Суэцкий канал) уже при первых фараонах встала стена мощных крепостей.

И всё же , когда возникают настоящие города Египта? Точного ответа на этот вопрос у нас пока ещё нет, но кое-что мы всё же знаем благодаря «палетте Нармера», заявленной в названии этой главки. «Палетта» — значит то же, что и «табула», дощечка (отсюда палитра художников), а Нармер — второй, а может быть и первый фараон объединенного Египта. Это примерно 3200 г. до н.э., значит «палетта» насчитывает сегодня добрых пять тысячелетий.

Приглядитесь внимательно к изображениям. В центре наверху на каждой из сторон каменной таблички, между парными изображениями древней богини Хатор (корова была знаком матери богов) похожие, но всё же разные фасады каких-то зданий или одного и того же здания. Поскольку внутри портала помещено в виде двух иероглифов имя фараона — Нармер или Мери-нар (неизвестно, как читать, сверху или снизу), это здание не может быть храмом. Но тогда остается одна возможность: это дворец.

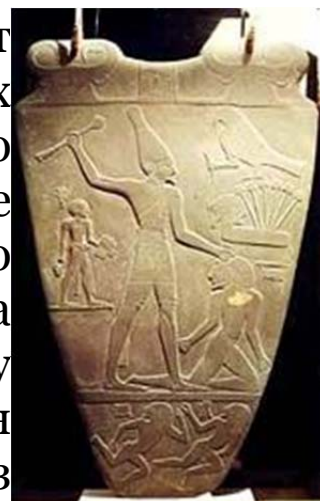
Итак, первый вывод. К 3200 г. уже строились дворцы с портикам или колоннадами.

На оборотной стороне таблички мы видим фараона в Красной короне Нижнего Египта, за ним — носитель сандалий, держащий в руке кувшинчик с водой для омовения ног. Впереди — жрец (заметьте, жрец и носитель сандалий одного роста, в два раза ниже фараона, но и в два раза выше знаменосцев впереди — значит, социальная пирамида уже сложилась). Знаменосцы несут знаки четырех номов, следовательно, есть уже как минимум четыре территориальные столицы. Справа — ряды обезглавленных врагов и знаки над ними (обратите внимание — среди них изображение корабля), которые ученые единодушно расшифровывают как «Буто», а Буто — это имя одного из городов Дельты. Значит, скорее всего речь идёт о подавлении мятежа недавно завоеванных земель, ведь объединение было завоеванием Нижнего Египта Верхним.

Из этого тоже можно сделать важный для нас вывод: город — столица нома был велик и силен.

Середину таблички занимают сплетенные фигуры мифических животных, означающих скорее всего объединенные царства, но самое интересное ниже. Конечно, бык — это фараон, попирающий врага. Позиция последнего не случайна: раз голова у него на плечах, он жив; раз он жив, он бежит[*14]. Раз пытается бежать, то из города, стену которого проломили рога

быка-фараона.

Это самое интересное. Присмотритесь: отчетливо видна овальная стена с прямоугольными башнями (рис. 33.2), а внутри — большое здание с башенками по углам и три маленьких. Большое здание может, разумеется, быть и дворцом, но слишком уж оно не похоже на дворец фараона. Скорее всего, это всё же храм. Маленькие же дома — это не обязательно дома, это, может быть, и кварталы, но что не вызывает сомнений, так это то, что дома или кварталы прямоугольны и расположены под прямым углом друг к другу.

Итак, можно заключить, что к 3200 г. до н.э. есть города, окруженные стеной и построенные регулярно, то есть все здания подчинены прямоугольной решётке плана. Между учеными возникли лишь разногласия по поводу того, где был штурмуемый город — над ним почему-то нет иероглифа названия. Некоторые даже считают, что это ливийский город (у беглеца неегипетская прическа), но это маловероятно, потому что в Ливии того времени крупного города не могло быть, его не было там и 1000 и 2000 лет позже.

Но обратимся ещё к лицевой стороне таблички. Фараон, на этот раз в короне Верхнего Египта, сопровождаемый тем же сандаленосцем, поражает боевой палицей павшего на колена врага — тоже египтянина. Над головой пленника скорее ребус, чем настоящая иероглифическая запись (она ещё только складывается), которую теперь расшифровывают так: «Фараон, воплощение бога-сокола Гора, мощной десницей своей берет в плен обитателей болот». Это тоже существенно, ведь обитатели болот это те же жители Нижнего Египта, где стоял Буто.

И опять самое интересное для нас внизу рельефа: двое беглецов, в ужасе обернувшиеся назад, а за ними остается изображение совсем иного рода (рис. 34.2), чем то, которое мы уже рассматривали. Зубчатый прямоугольник — это скорее всего не просто защищенный стеной город, а город-крепость или просто военная крепость. А крепость такого типа могла в те времена быть только на востоке Дельты или на Синае, или а южной Сирии.

Итак, в 3200 г. до н. э. явственно уже различали город и крепость. Это различие закрепилось вскоре в письменности — город стал обозначаться овалом, внутрь которого вписан крест; крепость — зубчатой стеной. Если были разные изображения и возникли разные иероглифы для обозначения города и крепости, были и слова, означающие их: словарь архитектуры разрастался вширь и вглубь. Были дворцы и храмы, следовательно, формировалась светская и сакральная архитектура, и нет ничего удивительного в том, что люди, ежегодно разлиновывавшие землю на участки, так же поступали, и с территорией города.

Палетта Нармера — редчайшая удача для ученых. Совокупность ее изображений указывает на то, что изображено не подавление мятежа (фараон хотел, чтобы это воспринималось так, отсюда на его голове корона Нижнего Египта), а сам момент

завоевания. Но можно ли так во всем полагаться на изображение? В случае египетских изображений можно и даже должно — египтяне были предельно точны во всех деталях. На палетте Нармер держит

палицу — точно такая булава была найдена на месте, где когда-то был город Иераконполис (название уже греческое), и принадлежала она непосредственному предшественнику Нармера, известному под греческим прозвищем Скорпион. Тур Хейердал имел возможность на собственном опыте удостовериться в невероятной скрупулезности египетских художников. Изучая рисунки папирусный кораблей, чтобы строить «Ра», Хейердал и его товарищи обратили внимание на то, что канаты на гравированном рисунке были разной толщины, но сочли это ничего не значащей графической деталью. Они заплатились за это поломкой обоих рулевых весел — слишком толстая веревка уменьшила упругость всей конструкции. К счастью, строители «Ра» поверили древним художникам, изобразившим тонкую веревку, соединявшую «перо» рулевого весла и опоры мачты: отломившееся «перо», рулевую лопасть удалось втянуть на борт и снова привязать. Это, кстати, уже было на «Ра-2», когда мореходцы-экспериментаторы окончательно доверились умению предков. Все детали древних рисунков, до последней чёрточки, оказалось, имели огромное значение.

Нет, у нас нет оснований сомневаться в точности всего, что вырезано на поверхности каменной палетты.

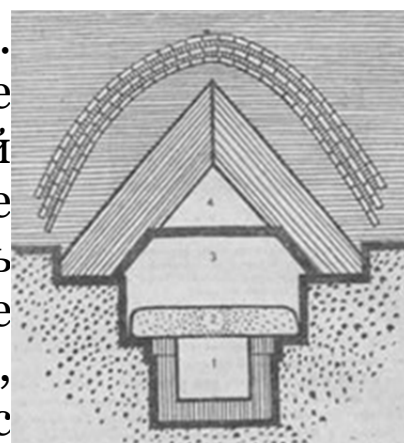

Но если в 3200 г. до н.э. были уже и крепость, и город, и дворец, и храм (и деревня, без которой не было бы города), то за всем этим должен был стоять немалый путь развития. По археологическим находкам в Дельте и в Файюмском оазисе известно, что первые земледельцы появились там в V

тысячелетии. Соответственно, не будет наверное большой ошибки, если мы разделим 1500 лет, отделяющих палетту Нармера от каменных орудий и черепков первых колонистов, на три части и одну треть прибавим к дате 3200, ведь развитие по множеству примет шло, ускоряясь. Иными словами, мы ошибемся не слишком сильно, если скажем, что первые настоящие города появляются в Египте где-то около 3700 г. до н. э. Судя по нескладным ещё рисункам на глиняных черепках и обрывках ткани, сохранившийся в сухом песке Египта (рис. 25.1) первые корабли в это время уже были, весельные по крайней мере.

Вновь получается, что архитектура и кораблестроение — очень близкие родственники, и не исключено, что именно строительство кораблей из папируса и деревянных частей (для мачты, для ее крепления к мягким бортам, для рулевых весел и рамы, которая их держала) подтолкнуло вперед развитие архитектуры домов, дворцов и храмов. Азбука строительных конструкций разучивалась и на суше, и на воде.

Отметим для памяти ещё одно. Объединение-завоевание в Египте отличалось одной интересной особенностью. Победители не стремились уничтожить побежденных или поработить их, не стремились стереть их культуру, как, скажем, поступали Инки с культурами побежденных племен

[20]. Скорее всего, для первых фараонов гораздо важнее было установить контроль над всеми номами без различия. Сделать это можно было надежнее всего одним способом — не делать один из городов столицей

нового государства, а построить новую столицу в месте, которое бы имело общепонятное символическое значение. Именно это было сделано самим Нармером или его преемником, которого греческие историки называли Менес (вернее, это всё же одно лицо с Нармером), и там, где Нил начинает ветвиться, на самой границе Верхнего и Нижнего Египта, возникает город белых стен — Мемфис.

Этого мало. Как на живописных изображениях и рельефах фараон выступает в обеих коронах, так и в архитектуре храмов, все чаще сооружаемых из твердого камня, сплетаются традиции обеих земель. Колонны увенчиваются капителями в виде лотоса (и стволы этих колонн изображают в камне пучок цветочных стеблей, стянутых наверху шнуром), символизирующего одну половину страны, и папирусного соцветия, обозначающего другую половину. На порталах каменных храмов возникают сразу же и остаются навсегда на первый взгляд странные валики — ученые считают, что это память о тех плетеных цыновках, которые сворачивались валиком над входом в дома, дворцы и храмы скотоводов Верхнего Египта[*15]. На тысячи лет остаются в граните формы наклоненных внутрь наружных стен, явно возникшие в архитектуре Нижнего Египта, где все монументальные сооружения строились сначала из необожженного кирпича, и именно такая форма была наиболее устойчива, если к подошве стены подкрадывалась вода неожиданно высокого разлива Нила.

Во всяком случае архитектура Египта складывается, сразу же опираясь на сплав Двух культур, а символом этого сплава становится похожий одновременно на крест и узел знак «ангх» — знак жизни[21]. И

архитектор, который на этой земле впервые выступает из темноты кулис на авансцену, соединил в себе две системы строительства, две художественные школы. Наверное, именно потому результаты оказались столь впечатляющими. У архитектора появилось имя.

От Имхотепа до Хемона

Нельзя ручаться, что Имхотеп именно таким образом представил фараону Джосеру проект огромного храмового комплекса в Саккара. Было бы неосторожно с моей стороны заявлять полную уверенность и в том, что тронный зал фараона выглядел тогда, в XXVII в. до н.э. именно так.

И всё же это не совсем выдумка. Архитектура, расцветшая тогда, в эпоху Древнего царства, на долгие века оставалась почти такой же, а о более поздних сооружениях мы уже кое-что знаем. Уже были колонны в форме связки папируса, увенчанные капителью в виде пучка скромных цветов нильского тростника. Во дворце колонны деревянные - так было и позже. Нет сплошной стены, ее заменяют

стенки, выложенные из кирпича. Они нужны для того, чтобы держать деревянные жалюзи, спасающие от жгучего солнца, но пропускающие ветерок. Вечером на них набрасывали кисейный полог-от зловредных маленьких комаров.

Трон, на котором восседает Джосер, "смонтирован" мной из двух - высокая спинка взята от каменной статуи самого Джосера, найденной в Саккара (сокол в изголовье оттуда же), а ручки - от сохранившегося кресла царицы Хетеп-Хереш, матери знаменитого Хеопса: разница во времени не так уж велика. В изображении на спинке трона вы уже узнали рисунок палетты Нармера - память об объединении Египта была ещё свежа, в руке Имхотепа жезл, означающий его роль великого визиря; в том, что для строительства в Саккара были необходимы чертежи и модели, не сомневается никто. Поскольку юноша справа, перед колонной, вооружен, это может быть только наследник трона. Танцовщицы "похищены" мной с одной из древнейших фресок.

Мы почти совсем не знаем, что происходило в Египте добрых 400 лет, разделяющих Палетту Нармера и ступенчатую пирамиду в Саккара, построенную, по преданию, зодчим, канцлером и главным врачом в одном лице — Имхотепом. По ряду косвенных свидетельств ясно, впрочем, что Объединенный Египет довольно быстро установил контакт с сирийским побережьем, откуда шли и шли корабли,

нагруженные стволами ливанских кедров. Было бы странно, если бы, имея в руках такой замечательный материал, строители Египта не набирали большой опыт. Поначалу, отставая от рисунка, оттачивалась письменность. Тонкие, почти прозрачные вазы из твердого, похожего на мрамор алебастра, приобрели уже такую изысканность формы, что в будущем можно было делать иное, но превзойти было нельзя: взгляните и убедитесь.

Окончательно оформилась религия, и душа покинувшего земной мир владыки — это было совершенно очевидно тогдашнему человеку — нуждалась в вечном жилище, которому не страшно время. Значит, надо было учиться работать с камнем. Было бы наверное странно, если бы архитектор, прекрасно овладевший деревом, не пытался первоначально воспроизвести в камне привычные конструкции и привычные формы. Так и происходило, и попыток — без сомнения часто неудачных — должно было предприниматься немало.

Разумеется, Имхотеп не был первым. До нас дошла надпись о каменном храме, сооруженном для отца фараона Джосера, но мы доподлинно знаем только работу Имхотепа. Кроме того, что бы ни сделали его предшественники, Имхотеп совершил настоящий творческий подвиг, и имя его вошло в легенду не случайно. Нередко можно встретить упрощенную версию событий: строили гробницы из необожженного кирпича и называли их «мастаба»; кто-то догадался поставить одну такую гробницу (поменьше) на другую (побольше); потом ещё одну, и таким образом получилась наконец ступенчатая пирамида. Это, однако, не так просто. Во-первых, ступенчатые пирамиды были египтянам уже известны;

их строили в городах Двуречья уже несколько столетий к тому времени, как Имхотеп — где-то около 2750 г. до н. э. — приступал к работе. Значит, перед нами всего лишь попытка подражания? И да, и нет. Во-вторых, изменилось назначение. Месопотамская пирамида служила только искусственной горой, основанием для храма на вершине, а египетская должна была служить «вечным домом» душе фараона. В-третьих, строить пирамиду следовало не из глины, а из камня. Какая разница? Дело, однако, в том, что глиняные кирпичи под тяжестью верхних слоев соединяются в монолитную массу, а камни остаются отдельными камнями, и если их не сцепляет раствор (египтяне не пользовались раствором), всегда существует опасность, что нижние слои каменной кладки будут раздавлены, а средние «поползут».

Исследования точно показали, что пирамида Джосера строилась в несколько приемов (рис 39.2) — архитектор нащупывал возможности новой, невиданной ещё в мире конструкции: кладка из одинаковых, тесаных камней. У пирамиды есть при этом одна особенность, на которую не всегда обращали должное внимание: при нынешней высоте в 60 м она имеет основание размером 118х140 м. Это странно. Дело в том, что ко времени начала строительства египтяне были уже весьма изощренными геометрами и не только умели производить сложные построения, но и придавали простейшим геометрическим фигурам магическое значение. Главной фигурой был квадрат, так замечательно делившийся диагоналями на четыре равнобедренных треугольника.

Нижние, меньшие пирамиды, скрытые в толще той пирамиды Джосера, которая дошла до нас, имеют в основании форму квадрата. Почему же, надстраивая

ступень за ступенью и, соответственно, расширяя подошву сооружения, Имхотеп «забыл» о магическом квадрате? А почему у пирамиды шесть ступеней? Это тоже странновато, ведь с незапамятных времен священным было число семь по числу планет, известных тогдашним астрономам [*16].

Ручаться было бы рискованно, но думается, что дело обстояло так. Убедившись, что ступенчатая каменная гора может быть выше и шире в основании, фараон и его зодчий, бывший к тому же и верховным жрецом, решились поднять к небу семь ступеней. Однако пирамида надстраивалась не со всех сторон равномерно, а с одного угла, и сцепление новых масс камня с уже уложенными не могло быть очень ворошим. Весьма вероятно, что когда над шестой ступенью начала расти, вроде бы, совсем маленькая седьмая, камень — не слишком прочный известняк — отказался повиноваться, и начались тревожные осыпи. Опытом создавалась наука, которую через много тысяч лет назвали «сопротивление материала» — часть кладки пришлось разобрать, и там, где опасность была наибольшей, разобрали больше. Повторим, ручаться, что было именно так, невозможно, но более правдоподобной гипотезы я не знаю[22].

Пирамида были лишь частью — главной, но всё же только частью — огромного целого (рис. 39.1). Она располагалась посреди огромного прямоугольного двора, обнесенного высокой каменной стеной, в характере которой столь ясно проглядывает опыт работы в дереве. Нет ни малейшего сомнения в том, что архитектура камня изображает то кирпич, то плетенье из прутьев и тростника: среди сооружений внутри огромного двора (его периметр приближается к двум километрам) есть храмы, служившие только

знаками храмов. Это фасады, за которыми сплошная стена; это раскрытые двери, через которые никогда нельзя было войти, потому что они изображены в глубоком рельефе.

Архитектура в камне только-только начала вырабатывать свой собственный «языки, но как много нового среди изображений старого! Глубокие подземные галереи и погребальные камеры под толщей пирамиды перекрыты уже мощными каменными плитами. На них вырезаны пригнанные вплотную бревна, но это уже первый шаг к долгой истории египетского зодчества. На стенах выложен рисунок, явно копирующий цветные тростниковые циновки, но он сделан уже из сияющих фаянсовых плиток. В нишах подземелья уже стояли каменные изваяния юного, очень красивого Джосера (древние грабители, опасаясь мести не совсем умершего, по их представлениям, фараона, вырвали из глазниц статуй сверкавшие во мраке глаза, но и без них портрет отличается удивительной одухотворенностью). На глухих каменных стенах пестрят иероглифы бесчисленных текстов и тончайшие рельефные изображения самого фараона, его семьи, его чиновников, природы (рис. 39.3). Весь художественный арсенал египетской архитектуры уже встает перед нашими глазами в практически готовом виде. Но не нужно это понимать буквально. Говоря современным языком, можно утверждать, что Имхотеп и его непосредственные предшественники формируют тип архитектуры, ставший основой всего ее дальнейшего развития. На самом же деле, это развитие было буквально стремительным. Немногим более ста лет разделяют пирамиды Джосера и Хеопса. Если учесть, что сооружение каждой пирамиды

требовало 15 — 20 лет, и что за этот период их (законченных) было по крайней мере три и ещё несколько незаконченных — скорее всего, в связи с преждевременной смертью владыки, то становится совершенно очевидным: каждая последующая пирамида — это решительный шаг вперед.

По соседству с Саккара, где стоит пирамида Джосера, недавно найдены остатки недостроенной пирамиды Сехем-Хета, где зодчий смело перешел к работе с крупными каменными блоками, уже не повторяя в чуть увеличенном размере кладку из кирпичей. Пирамида в Медуме (ее отлично видно от храмов в Саккара) сложена из семи ступеней[23], но внешняя ее форма смело сведена в две огромные ступени. Строитель следующей пирамиды фараона Снофру в Дахшуре (ее тоже видно из Саккара) порывает с идеей ступенчатости и придаёт постройке уже собственно «пирамидальную» форму.

Ее называют «ломаной» пирамидой, потому что взлетающее вверх ребро вдруг надламывается почти на середине высоты и стремится к вершине уже под более тупым углом. Многие видят в «ломаной» пирамиде, так сказать, переходную форму, но скорее всего дело в ином. Наверное, по каким-то причинам работы надо было ускорить, сократив их объем без особого ущерба для результата. Почему эта гипотеза более правдоподобна?

Потому, что пирамида как сооружение не только огромна, но и очень сложна для возведения. Для того, чтобы подсчитать объем камня, который следовало заготовить в далёких каменоломнях и доставить издалека, нужно было уметь рассчитывать объем пирамиды. Нам это кажется пустяком, но это не было

пустяком в начале III тысячелетия. А как определить направление ребра? Это не просто сделать — для этого нужно было уметь строить чертежи плана и разреза, уметь делать масштабную модель и оперировать пересчетом размеров от модели к сооружению. Если же строители владели этим аппаратом геометрических построений и исчислений, то они могли понять и разницу объемов при уменьшении угла подъема ребра пирамиды. Они многому научились за полвека.

А вот вторая пирамида в том же Дахшуре — это уже классическая форма. Казалось бы между ней и знаменитой пирамидой Хеопса нет иных различий, кроме размеров. На самом деле, пирамида Хеопса — тоже уникальное сооружение, в работе над которым зодчий не только умел создавать настоящий проект и руководить его исполнением. Он ещё научился менять проект «на ходу», потому что фараону явно было жутко при мысли о толще камня над его головой (он же не сомневался, что будет жить в пирамиде), и он требовал переносить погребальную камеру все выше и выше.

Но сначала хотя бы несколько слов о том, что обеспечивало стремительность развития архитектуры, — о развитии страны. Уже фараон II династии Нетерен уничтожил последние очаги сопротивления в Нижнем Египте и построил сплошную цепь укреплений через Суэцкий перешеек — от кочевников, «сынов Апопи». Но это не только оборонительная, но и наступательная граница: за стеной строятся крепости для защиты медных рудников Синая, за которыми на тысячелетия закрепляется имя фараона-строителя Снофру. Уже знакомый нам Джосер впервые продвигается далеко на юг, за асуанские пороги, а тексты в подземельях его пирамиды упоминают о Хауи-Небу — островах

Эгейского моря и Крите.

Уже в 2800 г. до н. э. за ливанским кедром отправляется целый флот, а через 300 лет налажен серийный выпуск двухмачтовых военно-транспортных кораблей. По тексту 2300 года нам известно, что 30-метровый корабль с тройным рулевым управлением сооружался на верфях Дельты и Красного моря всего за 17 дней. Хеопс занят отнюдь не только строительством своей пирамиды, как это пытались представить греческие историки. Одной из строек его времени была плотина 10-метровой высоты в нынешней Вади-Гарави — для снабжения водой каменоломен. Это первое из известных каменное гидротехническое сооружение...

Но вернемся к пирамиде Хеопса. Пирамида — загадочная форма [24] . Находясь у ее оснований, никак не можешь представить ее действительный размер. Твердишь когда-то заученные величины: 146 м высоты, 230 м — сторона квадрата основания, угол наклона сторон $51^{\circ}50'$. Но все это не помогает — пирамида вовсе не возвышается над тобой и ничуть не подавляет: ее грани и ребра стремительно уносятся вверх или вбок, и от чувства реальности не остается и следа.

Отойдешь от пирамиды не полкилометра, — опять непонятно: не с чем сравнивать, кроме соседних пирамид, а тут ещё перспектива играет с тобой в странные игры, и гораздо меньшая (это знаешь, а не видишь) пирамида Микерина при той же форме кажется безумно далекой. Только с большой дистанции — с 10 — 15 км — видно, как велики великие пирамиды.

И ещё величину ощущаешь тогда, когда поднимаешься и поднимаешься вверх по галерее, которая как щель сужается высоко над головой и смыкается. Чувство реальности укрепляется, когда перед входом в пустую (если не считать небольшой каменный саркофаг) погребальную камеру замечаешь прорезанные в граните вертикальные полозья, по которым скользила вниз решётка; видишь наверху каменную полку, с которой на головы грабителей должен был разом обрушиться груз песка (что, как известно, не помогло). Чувство реальности, поддерживается, когда видишь идеальна пригнанные колоссальные плиты стен и потолка. Но оно исчезает, когда вдруг замечаешь, что здесь, в самом сердце искусственной горы, дышится легко: до сих пор исправно работают вентиляционные каналы, пробитые в камне 5000 лет назад.

И вновь возвращается чувство реальности и какой-то спокойной гордости за гений человека, когда вспоминаешь разрез пирамиды (рис. 41.1), где над погребальной камерой видны ещё пять низких камер, верхняя из которых перекрыта двускатной гранитной крышей. Это вертикальная «батарея» разгрузочных пустот, с помощью которой немислимая тяжесть распределяется в стороны от погребальной камеры и передается толще камня.

По поводу строительства пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина накопилось много старых легенд, ведь те, кто рассказывал о них Геродоту, ничего не знали наверное и многое придумывали. Сегодня мы знаем немало. Во-первых, ясно, что пирамиды строили не рабы, их в тогдашнем Египте было мало, да они для этого были и не слишком нужны, потому что хоть и не рабами, но крепостными фараона были все крестьяне

страны. Во-вторых, ясно, что сооружал для себя вечные гробницы, фараоны вели стройку не круглогодично, а в де периоды, когда разлив Ниле делал сельскохозяйственную работу невозможной [*17]. В-третьих, главное было в превосходной организации труда.

Масса рабочих была распределена на бригады или роты, к которым были прикреплены по два врача; питание было скромным, но достаточным (у себя дома крестьянин, питался немногим лучше), и даже существовали продуктовые премии. В-четвёртых, представления Геродота о якобы 100 тыс. человек, работавших на стройке, безусловно преувеличены. Когда американский инженер Доус Данэм, участвовавший в переносе скального храма Рамзеса II в Абу-Симбеле (из-за разлива Асуанского водохранилища), произвел тщательные расчеты, получилось, что непосредственно монтажом не могло быть занято более чем 2500 квалифицированных каменщиков. Добавим сюда тех, кто вырубал камни в каменоломне, кто их перевозил водой и перетаскивал, и мы получим 15 — 20 тыс. человек, что для Египта, уже имевшего более миллиона населения, было не так уж много. Понятно, что можно было одновременно строить города и крепости, флот, дворцы и храмы — к вящей славе фараона.

А крестьянин? Он и в сегодняшнем Египте живет немногим лучше, хотя на улице XX век другой эры. По крайней мере, воду на поля поднимают теми же «машинами», приводимыми в действие вручную или одной воловьей силой, что и при Геродоте, я видел это своими глазами по всему пути от Каира до

Александрии...

Главным был проект постройки и проект способа ее сооружения — это создало величие пирамиды. По счастливой случайности мы можем не только узнать имя архитектора, бывшего в буквальном смысле этого греческого слова «главным строителем» пирамиды Хеопса, но даже глянуть ему а лицо. Вот он — Хемон, такой же мощной комплекции, какова созданная им пирамида (рис. 41.2). Рядом с пирамидой Хеопса недавно появилась не слишком красивая пристройка — это музей, где выставлен корабль фараона, для которого Хемон выстроил подземный храм-склеп. Настоящий корабль: на дереве остались потертости от прочных веревок. Но это странный корабль. У него форма судна для океанских плаваний, а конструкция годилась только для того, чтобы идти по спокойному Нилу — поперечные ребра-шпангоуты были стянуты веревками. Форма обычно не опережает конструкцию. Хейердал утверждает, и ему, наверное, следует верить, что корабль Хеопса изображает гордые морские суда, созданные его предшественниками. Эти суда пересекали моря и во время Имхотепа, и во время Хемона ... они не были одиноки в море!

Дом Гильгамеша

Примерно так должна была выглядеть набережная Дильмуна-города-царства на острове Бахрейн в Персидском заливе. Множество косвенных свидетельств указывают на то, что отсюда родом великий герой Гильгамеш, основавший, как гласит древний эпос, город Эрех (Урук) там, где слившиеся воды Тигра и Евфрата впадают в залив.

Конечно, на рисунке не самый ранний Дильмун. Это уже время его расцвета между царствованием в Египте фараона-отступника Эхнатона и не менее знаменитого в Вавилоне Навуходоносора. Город вырос, привык к относительной безопасности, и часть домов и лавок выстроилась снаружи оборонительной стены - поближе к причалам. Поэтому-то ни стены, ни башни не видны на рисунке целиком. Даже таможня, ранее мостившаяся в городских воротах, должна была переселиться (в ее дверях дремлет страж). В гавани Дильмуна, где к тому же была самая свежая и вкусная пресная вода на сотни миль вокруг, встречались торговцы отовсюду: из Египта.

Вавилонии, Финикии и даже Индии. Дильмун вывозил собственные финики, вкус которых прославляли египетские папирусы и клинописные таблички Вавилона. Но главным источником богатства Дильмуна была монополия торговля медью, поступавшей сюда из полулегендарного Макана, следы которого все отчетливее проступают теперь на побережье Омана, и перевозившейся дильмунскими кораблями в города Двуречья. Еще 15 лет назад слово Дильмун было только словом, встречавшимся в древнейших текстах, - теперь, благодаря раскопкам, нам открылась ещё одна "потерянная" держава. Прошрое оказывается бесконечным.

*"Приди, о Энкиду, в укрепленный Урук,
где люд щеголяет а праздничном платье,
где всякий день превращается в праздник".*

Этими словами герой шумерского эпоса Гильгамеш пытается завлечь в город человека-быка Энкиду, чтобы тот стал человеком вполне. Разумеется, Гильгамеш несколько преувеличивает, и не каждый день жители Урука (библейского Эреха) предавались удовольствиям, и не у каждого было праздничное платье. Но одно очевидно: городской обррез жизни сложился и явно противопоставлен негородскому — пастушескому, олицетворенному Энкиду, и земледельческому. Урук сложился как город, царем которого был легендарный Гильгамеш, уже к середине IV тысячелетия, а к моменту постройки пирамиды Джосера в нем насчитывалось уже 60—70 тыс. жителей. Любопытно при этом, что в ранней

шумерской письменности нет знака «город», его место занимает другой знак, напоминающий букву «У» — обозначение рынка, торгового, обычно совмещенного территориально с огороженной площадью перед храмом.

Но мы не будем заниматься здесь Двуречьем как таковым. Предыдущая главка окончилась на том, что корабли египтян не были одни в большом море. Это правда, и легендарная история Гильгамеша содержит отнюдь не легендарные сведения по этому поводу. Известно, что мощь Двуречья опиралась на массовое производство меди, но откуда бралась медь в плоской стране, где земля давала фантастический урожай (40—50 зерен из одного), но в ней не было ни грамма медной руды?

«Гильгамеш» и другие Древние тексты отвечают на этот вопрос: медь привозилась из Макана через Дильмун. По шумерским и ассирийским, и египетским текстам мы узнаем, что не было фиников слаще и ароматнее, чем финики Дильмуна. Но где это, Дильмун[25]?

Недавние раскопки Джеффри Бибби[26] принесли ответ: Дильмун — это нынешний Бахрейн (остров в Персидском заливе) и часть побережья нынешней Саудовской Аравии, а Макан (в этом нет ещё абсолютной уверенности, но и оснований для сомнений мало) — это нынешний Оман, самый восточный угол Аравийского полуострова. Путь из Урука в Дильмун и Макан — это морской путь. Этим путем прошел «Тигрис», и как могли заметить читатели очерков Юрия Сенчевича, советского члена международного экипажа тростникового судна, в журнале «Вокруг света», первое, не что наткнулся

Хейердал в Омане, был зиккурат, ступенчатая пирамида месопотамского образца.

Первое, что автоматически приходит в голову, это существование когда-то шумерской колонии на маканском берегу[*18]. Но ведь возможно и другое. А что если архитектура ступенчатых пирамид пришла в Двуречье не с севера, как напоминание о священных горах Курдистана, а с юга, из Аравии? Можно вспомнить, что одна из старейших шумерских легенд повествует о человеке-рыбе, который принес земледелие в Месопотамию откуда-то с Персидского залива. Нельзя не вспомнить, что шумеры называли этот залив: Нижнее море; Горькое море и Море восходящего солнца. Солнце, как известно, восходит на востоке. Пять тысяч лет назад это было известно не хуже, чем сейчас. Так как же могли люди назвать огромный залив, лежащий прямо к югу (взгляните на карту), восточным морем?

Это может иметь только одно объяснение — море (нынешний Персидский залив) на самом деле лежало к востоку, когда часть населения будущего Двуречья жила в Аравии и потом, уйдя на новую родину, принесло старое название с собой. Но только часть. Другая действительно спускалась по великим рекам с севера, и Нижнее море — это название, которое они передали потомкам. Но если это правда, а к этому склоняются сегодня наиболее смелые историки, не боящиеся усомниться в «давно очевидном», то не пришла ли идея пирамиды в Египет и Месопотамию из одного и того же места, ещё скрытого от нас песками и скалами огромного полуострова?

Правительство Саудовской Аравии, Омана и мелких эмиратов лишь в середине 60-х годов разрешили

археологам начать работу по розыску доисламской истории на своих землях. Первые открытия (тот же Дильмун) уже есть, но главные ещё впереди.

Это пока ещё только догадка, но у нее есть одно любопытное косвенное подтверждение. Вы помните, конечно, что Запад по верованиям древних египтян принадлежал царству мертвых: поэтому и пирамиды Гизе, Саккара, Медума, Дахшура, и более поздние гробницы расположены на западном берегу Нила, а города были когда-то только на восточном. Но ведь это странно — спокойный Нил не был страшной преградой, по нему сновали бесчисленно суда, в нем ловили рыбу, его папирус шел и на корабли и на свитки. А что если пугающий запад — тоже воспоминание, воспоминание об опасной щели Красного моря, лежащего к западу от Аравии!

Это не более чем догадка. Время или подтвердит, или опровергнет ее. Но во всяком случае она из тех догадок, что нацеливают ученых на поиск. Этот поиск тем более важен, что в нашем знании о самых первых шагах градостроительства и архитектуры есть пока одна совсем пустая страница.

Помните, в самых первых главках книги речь шла об Иерихоне и Ч'атал Хюйюке, расцвет которых пришелся на VII тысячелетие до н.э.? Подсыхание нильской дельты и Двуречья, начало архитектуры на этих землях — это в лучшем случае конец V тысячелетия. Что же происходило в «потерянное» тысячелетие? Неужели возникшее в маленьких долинах Передней Азии искусство строить исчезает потом безвозвратно, и всё приходится начинать сначала? Может быть и так, но хочется верить, что было иначе: от Мертвого моря к югу тянется глубокая

низина до восточного горла Красного моря; вдоль финикийского побережья открыт путь к югу на ныне пустынный Синайский полуостров. Оба пути выводят в Аравию, а ведь Аравия не была пустыней.

В Дильмуне, на острове Бахрейн, и на Аравийском побережье видно невооруженным глазом, что уровень подпочвенных вод неуклонно опускался по крайней мере 2000 лет — ирригационные каналы, когда-то лежавшие на поверхности, проходят теперь четырьмя метрами ниже[*19]. Геологи говорят, что вода опустилась потому, что приподнялась вся плита полуострова: уходила вода, уходила и жизнь, сохраняясь в оазисах, которым с геологической точки зрения особенно «повезло».

Итак, вполне вероятно, что через 10 или 30 лет[*20] мы узнаем общий источник архитектуры Египта и Месопотамии, а может быть очень скоро наука встряхнет наше воображение чем-то и вовсе неожиданным. Во всяком случае такой неожиданностью (впрочем, давно ожидаемой многими) была тема пресс-конференции заместителя директора Института океанографии Академии наук СССР Андрея Аксенова 25 марта 1979 года. Аксенов предъявил журналистам 10 подводных фотографий, снятых специалистами знаменитого «Витязя» на полпути между Лиссабоном и островом Мадейра. На вершине ушедшей когда-то под воду горы довольно отчетливо просматриваются стена и лестница...

Геологи уверяют, что это искусственные сооружения. Время покажет — кстати, несмотря на совпадение места с тем, что указана в знаменитом тексте Платона[27], даже если обнаружено действительно сооружение, это не обязательно Атлантида. Но совсем

не исключено, что история вновь уйдет вглубь, и мы выясним, что неожиданно совершенные постройки Иерихона соответствовали образцам, созданным раньше и в другом месте.

Но мы отвлеклись, а я должен ещё объяснять, почему эта последняя главка книги названа «Дом Гильгамеша». Дело в том, что слово «бахрейн» (название острова и государства, на территории которого был город-государство Дильмун уже во времена строительства пирамид) имеет в арабском языке значение: «два моря». О каких же двух морях может идти речь, если это остров в Персидском заливе? И древние тексты, и простой опыт дают ясное объяснение: на самом Бахрейне и рядом со дна горько-соленого моря бьют по сей день мощные источники превосходной пресной воды, а древние твердо были уверены, что под «горьким» морем лежит «сладкое». И вот единственное им известное место, где два моря оказывались действительно рядом, был Дильмун-Бахрейн[28].

Не будем вдаваться здесь в тонкости исторических и филологических изысканий Джеффри Бибби[29] для того, чтобы извлечь из них удовольствие, нужно располагать довольно глубокими знаниями о Древнем Востоке. Но вкратце цепочка неоспоримо логичных выводов подводит к тому, что именно Дильмун был тем местом, куда Гильгамеш отправился за травой бессмертия, где он достал со дна «сладкого» моря эту траву, украденную позже змеей (рис. 42,2), когда героя сморил сон. Именно на Дильмун уходит спасенный богами Ут-Напиштим (литературный предок библейского Ноя), хотя его ковчег пристал к горам Курдистана далеко на севере. Наконец, именно с Дильмуна пришел в пантеон шумеров бог Энки

(божество подземного «сладкого» моря), чтобы занять место чуть пониже Энлиля, прибывшего с севера. Наконец, именно Энки, поручая своей дочери в опеку город Дильмун, произносит в древнем тексте, найденном в том же архиве Ниппура, что и таблички с «Гильгамешем»: пусть твой город станет «верфью» для обитаемой земли!

К этому остается добавить, что в таможене у ворот Дильмуна, на многометровой глубине, археологи нашли гири от весов — точно такие же внешне и такого же веса, как гири великого города Мохенджо-Даро, расцвет которого наступает чуть позже постройки пирамиды Хеопса, но совсем на другой реке — Инде. И ещё — на печатях, на осколках керамики из Дильмуна и Макана множество горбатых быков с длинными рогами. Это зебу, бык, обитавший в долине Инда (рис. 43,2).

Итак, круг замкнулся. Начав почти с «точки», с небольшого пятнышка, зажатого между Сирией, Ираком, Ираном и Турцией, мы прошли с вами Средиземным морем, долинами Роны, Дуная и Рейна, обогнули Европу по атлантическому пути и побывали в степях Украины. Затем мы обнаружили, что пеший путь на юг — в Месопотамию и Египет не обязательно был прямым, что он продублирован морским путем, связавшим южные моря от Индии до Египта.

Мы обнаружили, что архитектура — непомерно древнее искусство, что она могла быть настоящим искусством задолго до того, как на земле возник первый настоящий город.

Мы поняли, что не грубая сила, а ум, движущий силой,

стоит за самыми древними на земле архитектурными сооружениями, рожденными самой первой в истории революцией, которую ученые именуют неолитической, которая превратила охотника, рыбака и собирателя в пахаря и пастуха, а потом и в горожанина, И ещё , надеюсь, стало ясно, что человек, строивший первый дом, был иным, чем мы с вами, знал иное и верил в иное, но не уступал нам ни талантом, ни изобретательностью. Честно говоря, он кое в чём превосходил нас, ведь множество задач ему приходилось решать впервые. Иные находки, изобретения терялись. Тогда их делали вновь и вновь. Цепь строительного искусства иногда обрывалась, тогда следующие веки влетали в нее недостающие звенья. В целом же история дома, в каком мы живем сегодня, история города, который нас окружает, началась тогда, когда обитатели пещер Вади-эн-Натуф (а, может, кто-то ещё раньше и в другом месте) рискнули покинуть привычные стены и кров и создать себе искусственные стены и искусственный кров под огромным небом нашей Земли.

Дополнение: Задача Евпалина

Как было обещано в начале книги, мы завершим ее одной из множества задач, успешно решавшийся древними. Это «поздняя» задачка (середина VI в. до н.э.), но и ранее решались не менее сложные. Так, когда строились первые египетские пирамиды, царь месопотамского города Лагаш по имени Энтемена (его безымянные инженеры, разумеется) связывает Тигр и Евфрат судоходным каналом на уровне 33-й параллели. А точно выверить ориентацию пирамид по странам света? а выверить горизонтальность основания такой искусственной горы? Обо всех подобных

задачах можно писать подробные книги. Мы ограничимся одной — для примера. Итак, тиран острова Самос Поликрат поручил архитектору Евпалину[30] пробить водопровод от источника, лежащего по другую сторону горы Кастро, чтобы городу хватало воды и для питья, и для омовений. Не требовалось особой мудрости, чтобы понять; если пробивать туннель с обоих концов, время сооружения сократится вдвое. Но ведь из точки А не видно точки Б!

Сегодня такая задача решается просто, поскольку вся Земля опутана сетью геодезических координат, к узлам которой можно «привязаться», ибо они обозначены на месте, а с помощью точного барометра легко определить высоту точек А и Б над уровнем моря. Но ведь у Евпалина не было барометра, не было точной карты, и всё же он решил задачу: оба туннели встретились почти точно — «колено» в месте встречи не более полуметра при более чем километровой длине туннеля.

Добавим, что для решения задачи нужно меньше, чем даёт школьный учебник геометрии. Ещё бы! Евклид должен был родиться на свет ещё только через три сотни лет, а юный Пифагор ещё только учился в это время у египетских жрецов тайно «египетского треугольника», у которого при сторонах 3, 4 и 5 частей обязательно будет точный прямой угол.

Задача Евпалина изрядно волновала древних, и знаменитый Герон Александрийский (тот самый, чья первая паровая турбинка и множество разных автоматов) в своем трактате «Диоптр» дал своё решение (рис. 47.2). Герон даже написал с гордостью: «Если туннель делать таким образом, то работники

встретятся». Увы, Герон не обратил внимания на то, что главное — направление пунктирной линии — взято неизвестно откуда.

К тому же следует иметь в виду, что при умножении числа измерений медленно, но верно нарастает ошибка, а для того, чтобы получить погрешность в полметра на километр длины, построение должно быть совершенно точным.

Вот наиболее правдоподобный вариант. Самос времен Поликрата был теснейшим образом связан с Египтом (Пифагор тоже ведь родом с острова), а египтяне должны были издавна освоить точную работу с угломерными инструментами. По рельефу на карте видно, что есть по крайней мере две точки (С и Д), с которых можно увидеть человека с шестом (рис. 47.3), стоящего у источника в точке А и у запроектированного вылета туннеля в точке В. Дальше нужна была только тщательная, повторенная для верности несколько раз, работа с астролябией, показанная на нашем рисунке.

Сложнее другое: как определить точку В или, что то же самое, угол наклона туннеля, по дну которого был прорезан собственно водопровод — узкая и глубокая щель в скале? Но и вероятный ответ на этот вопрос, и то, каким образом удалось сохранить точность направления, все дальше углубляясь под гору, и как Евпалин решил проблему вентиляции... я оставляю работе воображения тех, кому она даёт

удовлетворение.

Когда Пифагор постигал египетскую математическую мудрость, столицей Египта был город Саис. Саисские фараоны проявляли живейший интерес к своим далёким предшественникам. Заново были расчищены подземные галереи великих пирамид, восстановлены разграбленные в незапамятные времена гробницы, поставлены на место каменные «замки», закрывающие входы. На восстановленных стенах саисские жрецы оставили письма:

*«Боги, что Издревле покоятся в пирамидах,
их благородные слуги, закрытые в пирамидах,
те, кто строил дома, — больше нет их домов.*

Что же случилось с ними?

*Я слушал беседы Имхотепа и Хардедефа,
чьи слова до сих пор повторяют люди.*

Где же дом их теперь?

*Рухнули стены домов их—больше нет их домов,
будто их и не было никогда...»*

— Так пели жрецы Саиса, отплывая вбарках вниз по Нилу после паломничества в Гизе, Санкара, Медум. К счастью, жрецы ошибались: минуло ещё 25 веков, но интерес к мыслям и трудам древних строителей не угас. Напротив, ученые составили уже почти полный поименный список архитекторов, живописцев, скульпторов, их подмастерьев, даже носильщиков и водоносов. Мы знаем, кто они были, как жили — меньше всего мы знаем о том, как они мыслили. Пытаясь разобраться в этом, исследуя самые ранние шаги становления зодчества, мы узнаем многое о себе самих, ведь их знание продолжает жить — в нас.

Примечания

[1] Герон Александрийский. Время жизни точно не установлено: между II в. до н. э. и I в н. э. Крупнейший физик древности. Им были заложены основы динамики и теории газов, излучения и теплопроводности. Герон был и крупным математиком (он извлек кубический корень), привнесшим многое в развитие искусства землемерия. Более всего известен, однако, созданием паровой турбины и множества автоматов - впрочем, что было изобретено им самим, а что лишь собрано и описано, установить невозможно.

[2] Диего ди Ланда (1508-1576) - францисканский монах, затем епископ Юкатана. Организовал сбор и уничтожение "бесовских" книг майя, чтобы облегчить подчинение народа испанским завоевателям, В то же время, широко образованный и любознательный человек, Ди Ланда собрал множество сведений о жизни майя, составил краткий словарь их языка, и его книга "Отчет о делах на Юкатане", написанная в 1566 г., но увидевшая свет впервые в 1864 г., остается важнейшим источником наших знаний об исчезнувшей цивилизации.

[3] На Крите обнаружены надписи двух видов. Более древнее письмо (так называемое линейное А) не расшифровано до сих пор; более позднее (линейное Б) удалось расшифровать английскому архитектору (!) Майклу Вентрису в 1948-1952 гг. К сожалению, до сих пор найденные надписи представляют собой хозяйственные счета, литературных текстов не обнаружено.

[4] В XIX столетии территория древних Шумера, Аккада и Ассирии входила в состав Турецкой империи. Британский посол в Константинополе сэр Стрэтфорд Каннинг добился у турецких властей разрешения на раскопки одного из холмов близ Мосула и финансировал работы, которыми руководил Фрэнсис Лэйрд, В 1946 г. удалось установить, что огромный оплывший холм скрывал под собой руины Нимруда (Ниневии) - столицы Ассирии.

[5] Паленке - одна из столиц майя - обнаружен индейцами в 1773 г. Отчет капитана Антонио дель Рио был в 1822 г. переведен на английский язык, и, отталкиваясь от очень приблизительных рисунков испанского моряка, самозванный австрийский граф Жан Фредерик Вальдек сделал для этого издания иллюстрации, исходя из убеждения, что Паленке строили древние римляне (!). Позже Вальдек совершил экспедицию на место, но в его собственной книге, изданной в Париже в 1838 г., фантазия по-прежнему оказалась сильнее фактов. Настоящее исследование Паленке провели в 40-е годы прошлого века американец Джон Стефенс и англичанин Фредерик Кэтервуд,

архитектор и художник. Их двухтомная книга с чрезвычайно тщательными рисунками Кэтервуда (издана в Лондоне в 1853 г.) стала подлинной сенсацией.

[6] Уже фараоны Среднего царства начали снимать плиты облицовки пирамид для строительства гигантских храмов. Эта традиция была продолжена арабскими завоевателями Египта, начиная с VIII в. - облицовочные плиты пирамид были использованы для строительства Каира на месте древнеегипетского Мемфиса и греко-египетского Гелиополиса.

[7] Рассказы о сказочных богатствах "семи городов Сиболы" распространились в завоеванной испанцами Мексике в 30-е годы XVI в. Экспедиция Франсиско Васкеса де Коронадо отправилась на завоевание Сиболы весной 1540 г. Золота в "городах" не оказалось, но вот, как описал увиденное хронист экспедиции Альваро де Кастаньеда: "Селение представляет собой квадрат на скале, с двором посередине... Все дома одинаковы - по четыре этажа высотой... По первым двум этажам идут коридоры, по которым можно обойти кругом всю деревню. Они похожи на галереи, под которыми могут укрыться жители. У домов нет дверей вниз, и жители пользуются лестницами, которые можно втягивать наверх, и по ним можно подняться на галереи, окружающие селение внутри. Поскольку двери домой открываются на эти галереи, галерея служит своего рода улицей... Источник воды находится внутри..." Научные исследования селений индейцев Пуэбло начались лишь с 1886 г., когда в руинах жили уже только летучие мыши.

[8] Среди фресок Ч'атал Хюйюка есть чрезвычайно интересное соединение мотивов, в котором можно усмотреть переход от реалистического изображения к абстрактному. Всю нижнюю часть сохранившейся стены заполняют почти правильной формы квадраты и прямоугольники, между которыми оставлены тонкие просветы. Каждый прямоугольник с двух, трех или четырех сторон обведен очень толстой полосой темно-коричневого цвета, на фоне которого четко проступают маленькие светлые пятна - тоже прямоугольные. Вне всякого сомнения перед нами план поселения на Холме. Выше, т. е. сзади поднимается заполненный красной охрой силуэт, в котором ученые бесспорно опознали схематический горный пейзаж: из вершины одной из гор "вылетают" темные искривленные линии - по всей видимости изображено извержение вулкана. Геологи подтверждают - в период расцвета "городка" вулканы действовали, рождая все новые месторождения ценного обсидиана.

[9] Филиппо Брунеллески (1377 - 1446) начал работу как ювелир, затем принял участие в конкурсе на скульптурное оформление дверей

(выиграл конкурс знаменитый скульптор Гиберти). Затем - изучение архитектуры и, в особенности, конструкций уцелевших древнеримских сооружений. К этому времени относят разработку Брунеллески принципов линейной перспективы в рисунке. Самой известной работой зодчего является сооружение огромного купола храма Сайта Мария дель Фьоре (с 1417 по 1436 г.) с глубоко оригинальным конструктивным решением: двойная оболочка, несущие "ребра", каменные и деревянные "цепи", прочно связавшие купол, перекрывающий восьмигранное пространство с поперечником 45 м.

[10] В Хасиларе обнаружена гончарная мастерская, действовавшая около 5200 г. до н. э. в здании весьма сложной конструкции. Вес плоской кровли (деревянные балки, поверх которых уложены короткие поперечные балочки, а по ним - хворост и смешанная с соломой глина) принимали на себя стены и деревянные колонны с "капителями". Сложенные из необожженного кирпича стены были покрыты гипсовой штукатуркой, пол - тоже. Навесных дверей не было, но дверные косяки были уже сделаны из дерева.

[11] Раскопки на острове Тера (Санторин), расположенном в 150 км к северу от Крита, ведутся второе десятилетие подряд. Из-под слоя вулканического пепла, толщина которого колеблется от 10 до 40 м, показалось уже несколько многоэтажных домов. В комнатах были окна с подоконниками, на которых стояли горшки с цветами. Стены многих комнат с пола до потолка покрыты замечательными по красоте фресками с изображениями антилоп, лилий, ласточек. На одной из стен написан с мельчайшими подробностями пейзаж: город и порт, корабли в гавани и в море. Эта "помпея" в Эгейском море была засыпана пеплом во время извержения вулкана, сопровождавшегося чудовищным взрывом, - около 1450 г. до н. э. Землетрясение и приливная волна (цунами) уничтожили великую Минойскую цивилизацию Крита.

[12] Слово околица восходит к древнеславянскому "окол" (колесо), сохранившемуся в польском языке (коло - колесо).

[13] Наибольшее количество огромных земляных сооружений, воздвигнутых между VIII в. до н. э. и VI в., обнаружено в США в штатах Огайо, Кентукки и Западная Вирджиния. Их здесь несколько тысяч. Сотни тысяч кубометров земли были насыпаны, чтобы создать легко распознаваемые изображения животных и людей длиной 40 - 50 - 70 м. Самым известным является гигантская змея (длиной свыше 400 м), контуры тела которой по сложности не многим уступают знаменитым рисункам на плоскогорье Наска в Перу. Поскольку высота фигур менее 1 м, разглядеть их как следует можно только с воздуха.

[14] Корень "град" или "гард" является общим не только для славянских языков, но и для скандинавских: в древненорвежском (варяжском) "гард" значит укрепленная усадьба.

[15] Эти непривычно звучащие слова родом из древнего бретонского языка, на котором всё ещё говорят несколько сот тысяч человек французского департамента Бретань, где число менгиров, дольменов и кромлехов превышает несколько тысяч.

[16] Многое свидетельствует о том, что изысканные формы каменных топориков повторяют бронзовые оригиналы, созданные в Месопотамии и Персии.

[17] Следы народов бейкеров найдены на Канарских островах, они могут ещё обнаружиться и в Западной Африке и даже в Америке, куда обязательно придёт судно, если потеряет управление у марроканского берега (если, конечно, не потонет в шторм).

[18] Ахетатон или Телпъ эль Амарна - новая столица, которую в середине XIV в. до н. э. заложил Аменхотеп IV неподалеку от старой столицы Фив, сменив старый культ новым - единым культом Солнца и приняв имя Эхнатон. После смерти юного наследника Эхнатона - Тутанхамона, Ахетатон был ограблен, проклят и заброшен. Благодаря этому ученые смогли установить, как выглядели дворцы и усадьбы знати, нашли множество произведений искусства, включая знаменитый бюст Нефертити, а также огромный архив управления иностранных дел.

[19] К концу XIX в. интерес к архитектуре Древнего Египта вырос чрезвычайно и выплеснулся далеко за рамки академической науки. Для Всемирной выставки в Париже 1889 г. архитектор Шарль Гарнье выстроил "египетский дом", отталкиваясь от изображений на фресках фиванских гробниц. Начинаясь от вестибюля, коридор, в который входили двери комнат с двух сторон, выводил к лестнице на второй этаж и плоскую кровлю, закрытую от солнца легким деревянным навесом. Перед фасадом (нижний этаж белый, верхний желтый, тонкие деревянные колонны - ярко-синие) был разбит садик геометрического рисунка, с цветниками и бассейнами для рыб.

[20] Одной из причин, по которым конкистадорам Франсиско Писарро удалось сравнительно легко разрушить огромную империю Инков, была глубокая ненависть и инкам-поработителям многих покоренных ими народов: моче, чиму и др. Основное расширение империи происходило в период с 1440 по 1525 г. и завершилось всего за 10 лет до прихода испанцев. Покаяя одно за другим сильные царства (в столице Чиму - Чанчане было более 200 тыс. жителей),

инки включали их богов в свой пантеон, перевозили знать и большую часть жителей внутрь империи, высылая на их земли своих колонистов и вытесняя местный язык своим.

[21] Специалисты думают в связи с этим, что обитатели обоих Египтов говорили на диалектах одного языка, сохранявшихся и через 3000 лет после объединения по свидетельству греческих ученых путешественников.

[22] Среди примечательных черт ступенчатой пирамиды Джосера особо следует выделить две. Погребальная камера фараона находится на глубине 25 м круглого в плане колодца, высеченного под подошвой пирамиды. Колодец диаметром почти 8 м перекрыт "ложным" куполом (каждый следующий ряд каменной кладки выдвинут над нижним к центру). Вторая особенность - главный вход в лабиринт под пирамидой вынесен на десяток метров за пределы ее основания и начинается с вертикальной шахты, перекрытой каменным "замком".

[23] Это подтверждает нашу гипотезу относительно пирамиды Джосера, а отход от ступенчатой формы связан с изменениями в религиозных представлениях - таких изменений бы по много.

[24] Начиная с астронома Чарльза Смита из Эдинбурга, вот уже более ста лет продолжают попытки вычислить великие тайны, якобы заложенные строителями пирамиды Хеопса в ее форму. Число лженаучных теории столь велико, что замечательный английский археолог Мортимер Уипер определил их совокупность как "пирамидиотизм". В то же время кропотливым трудом удается разгадывать одну действительную загадку пирамид за другой. Так, только в 30-е годы нашего века Людвиг Борхардт объяснил назначение Большой галереи пирамиды Хеопса: ее высота понадобилась для того, чтобы похоронная процессия прошла поверх уложенных не полу галереи гранитных блоков. Когда жрецы и сановники вышли, рабочие обрубили канаты (удалось проследить оставленные ими бороздки в камне), и вся искусственная лавина сползла вниз, накрепко закупорив малую наклонную галерею (рабочие выбрались вниз через узкий колодец, прорубленный в кладке, - этот колодец описал римский историк Плиний старший, повторив то, что ему сказали проводники: будто колодец ведет к Нилу).

[25] Первое письменное упоминание о Дильмуне содержится в клинописной табличке правителя месопотамского Лагаша Ур-Нание (около 2520 г. до н. э.), где указано, что корабли Дильмуна привезли ему дерево из далёких стран. Затем, около 2300 г. до н. э. Саргон, царь

Аккада велел записать; "Упери, царь Дильмуна, чей дом, словно рыба, в 30 двойных часах в середине Моря восходящего солнца, прислал дары". Расстояние от устья Шатт-эль-араб до острова Бахрейн (60 часов хода парусного судна) указано совершенно точно.

[26] Джеффри Бибби - английский археолог и историк, руководивший в 50 - 60-е годы археологическими раскопками на острове Бахрейн и берегах Персидского залива. Наряду с книгой о результатах этой длительной работы, Бибби написал одну из лучших научно-популярных книг о культуре "доисторической Европы" - "Доказательство с лопатой в руке" (1956 г.).

[27] В двух из своих сочинений, диалогах "Критий" и "Тимей", великий греческий философ Платон (427-347 г. до н. э.) пересказал якобы записанную его предком Солоном историю Атлантиды, о которой ему поведали египетские жрецы. Рассказ Платона породил неисчислимое множество научных, полунаучных и совершенно фантастических гипотез. Последней по времени строго научной гипотезой является работа Джеймса Люса, весьма изящно доказывающего, что египетские жрецы поведали Салону о катастрофе, постигшей Минойское царство на Крите (см. прим.11), египетское название которого - Кефтиу - Солон связал с древним мифом об Атланте.

[28] В отличие от городов древней Месопотамии, но в полном соответствии городам Египта и долины Инда, древнейший Дильмун был спланирован в виде прямоугольной сетки улиц, ориентированной по странам света.

[29] Любопытно, что в поздней, ассирийской версии "Гильгамеша" Ут-Напиштим поселяется "далеко, в устье рек", а в ранней, шумерской, он же (под иным именем Зиусудра) - "на земле, где сходятся пути, на земле Дильмуна, где встает солнце"... - победивший север постарался "забыть" о древнем юге.

[30] Вплоть до середины XVII в. архитектор был и универсальным инженером-строителем. Зная, что Евпалин и другие зодчие его времени решали такие задачи, как та, что приведена в книге, легче понять, какими широкими были познания древнего мастера, каким изощренным было его умение. Опыт, накопленный веками решения жизненно необходимых инженерных задач, и в частности, опыт геометрических построений воплощен и в тонких расчетах, на которых зиждется непреходящая красота Парфенона, смелость мостов-акведуков, построенных римлянами, дерзость строителей средневековых соборов.

Сноски

* Маркс К. Введение к критике политической экономии, - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. 12. с. 736

** Если вы захотите найти Холм не карте, то найдите сначала остров Кипр, от его центра проведите прямую точно на север: южнее города Кония вьется река — на пересечении реки и нашей прямой и находится Ч'атал Хюйюк.

*** На карте США нужно найти реку Рио-Гранде, подняться по ней вверх до города Альбукерке и поставить точку в 100 км к юго-западу; там Сибола. Ослепленные надеждой найти золото, конкистадоры открыли Великий Каньон Колорадо, но едва это заметили.

**** Искржицкий А. Улица длиной в 3500 лет.

***** По всей видимости та же "школа" трудилась на Кавказском побережье Черного моря и даже в ... Индии.

*6 На этой равнине тесновато: совсем близко уже известный нам Уиндмилл-Хилл, чуть дальше — огромный круговой ров, вал и круг из камней, внутри которого поместилась целая деревня Эйвбери, а в 50-е годы аэросъемка обнаружила в 3 км Вудхендж: вросшие в землю остатки концентрических кругов, образованных толстыми дубовыми бревнами.

*7 Уже в наше время астрономы Д.Хокинс и Д.Уайт доказали, что расположение каменных порталов Стоунхенджа могло позволять делать многие астрономические наблюдения, и сам Стоунхендж мог быть обсерваторией.

*8 В 1950 г. расчет блестяще подтвердился: радиоуглеродный анализ дал дату 1847 ± 275 лет. Та же техника астрономических расчетов помогла уточнить время сооружения египетских пирамид и восстановить точную хронологию династий.

*9 Именно из этих ям взят уголь, давший дату постройке.

*10 Перепутать невозможно потому, что строители Стоунхенджа были типичными долихоцефалами — длинноголовыми северянами, тогда как люди «бейкеров» — брахикефалами, круглоголовыми средиземноморцами.

*¹¹ Чтобы яснее понять масштаб времени, заметим, что перестройки Московского Кремля или парижского Лувра заняли столько же столетий, ни больше и ни меньше.

*¹² В 1954 г. четверо студентов доставили специально вырубленный в гряде Пресцелли пятитонный каменный блок к расчетному месту на трех связанных лодках, а 14 парней без мучений дотащили его до Стоунхенджа на полозьях, подкладывая под них деревянные катки. Как мы уже говорили, дело не тока в силе, как в умении ее организовать.

*¹³ В Месопотамии все было несколько иначе: другие реки, текущие с севера на юг, а не как Нил—с юга на север, другие границы с другими соседями. Тем, кому интересны эти различия, рекомендую прочесть «Историю Древнего Востока» Б.А.Тураева и «Хрестоматию по истории Древнего Востока».

*¹⁴ В заключительной главке мы увидим, что это бегство, может быть, имеет для нас принципиальное значение.

*¹⁵ Мы условились не затрагивать Двуречье, но здесь позволим себе на секунду поступить от правила: там, где Тигр и Евфрат сливаются в Шатт-эль-Араб перед впадением в Персидский залив, в заросших болотах, на холмиках и сегодня ещё сооружают довольно сложной конструкции дома из пучков тростника, и лодки из того же материала, и даже искусственные острова.

*¹⁶ Разумеется, в число планет входило и Солнце, а Урана и Нептуна, не говоря о Плутоне, обнаруженном лишь в нашем столетии (двадцатом), древние астрономы не знали.

*¹⁷ Зато разлив позволял подвозить камень на судах прямо к месту строительства.

*¹⁸ Исследования геологов доказали, что целая гора медной руды были скрыта до основания в глубокой древности; металлурги подтвердили, что именно из здешней руды выплавлялась дошедших до нас шумерских изделий.

*¹⁹ А вот в Марокко всё наоборот: когда-то лежащие глубоко под землей римские водопроводы вышли на поверхность — войны и ветры смели почву. Всегда желательно помнить, что география — тоже в значительной мере продукт истории.